

Кейси Майклз
Как покорить герцога
Серия «Семейство Дотри»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643575
Как покорить герцога: роман : Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02603-3

Аннотация

Рафаэль Дотри, капитан английской армии, в одночасье стал герцогом и владельцем огромного поместья. Титул и имение достались Рафаэлю неожиданно: дядюшка, тринадцатый герцог Ашерст, и его сыновья трагически погибли во время кораблекрушения. Семейный особняк встретил новоявленного герцога множеством проблем. Юные сестры, едва достигшие семнадцати лет, жаждали показаться в свете. На жизнь Рафаэля было совершено несколько покушений. А главное – Шарлотта Сиверс, или Чарли, как прозвал ее Рафаэль еще в детстве, превратилась из вредной девчонки в красивую женщину, но чем больше внимания проявлял герцог, тем больше она отдалялась. Какая-то страшная тайна, связанная с погибшими кузенами, мешала Чарли ответить на ухаживания Рафаэля.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кейси Майклз

Как покорить герцога

*Моему новому редактору, единственной на свете Марго
Липшульц, женищине с ангельским терпением*

Пролог

Знаменитое очарование Парижа уже начало блекнуть. Сколько лет они говорили о том дне, когда победят Бонапарта и с триумфом войдут в этот город городов? Когда их сапоги тонули в грязи Испании, а провизия постоянно задерживалась и пустые желудки присыхали к хребту, разговор о красотах Парижа облегчал души.

Но после пяти дней непрерывных холодных проливных дождей все мысли обратились к одному: когда же Веллингтон прикажет войскам возвращаться в Англию?

Там тоже наверняка дождливо, но, в конце концов, это же хороший английский дождь!

Однако капитанам Рафаэлю Дотри и Фитцджеральду Свейну вряд ли придется вместе с толпой солдат грузиться на корабли, направляющиеся в Дувр и в другие английские порты. Сегодня днем выяснилось, что они находятся в числе тех, кому поручено через несколько недель сопровождать Бонапарта к его «новой империи» на Эльбе.

Фитц сказал Рафу, что следует гордиться своим участием в такой исторической миссии и, возможно, однажды, усадив своих внуков на колени, они поведают им об этом замечательном событии.

Внуков? Прищурился темно-карие глаза, Раф потребовал, чтобы друг поскорее нашел местечко, где они смогли бы, если повезет, как следует промочить глотку.

Рафа пробирается дрожь: его мундир насквозь промок. Он придвинулся ближе к огню, едва тлевшему в камине трактира, который Фитц отыскал для них, и провел пальцами между прядями своих слишком длинных черных волос, которых давно не касалась рука цирюльника, сомневаясь уже, что когда-нибудь сможет смыть с них грязь и жир, а затем потер щетину на подбородке. Нужно бы найти новую бритву, чтобы выглядеть пристойно, прежде чем явиться завтра утром в штаб, а также чистую рубашку. Да бог с ней, с чистой, лишь бы была сухая.

– Ну-ну, посмотрел бы ты на себя, – ухмыльнулся Фитц. – Съежился у огня, словно старая дева, никогда не знавшая тепла в своей постели. Не подать ли вам плед, чтоб укутать плечи, госпожа Дотри?

– Заткнись, Фитц. – Раф подавил еще один приступ дрожи. Временами ему казалось, что он больше никогда не согреется. – Так где этот добрый эль, о котором ты говорил?

– Слишком много претензий для человека, привыкшего спать в окопах в последние годы. И черт с ним, с этим элем... где здесь сговорчивые мамзели?

Вскочив со стула, Фитц ухватил за плечо хозяина, проходившего мимо их стола:

– Парле ву англиш, месье?

Толстый, неопрятный трактирщик, вытаращив глаза, на одном дыхании выпалил целую тираду по-французски, и Раф ухмыльнулся в кулак, когда тот обозвал Фитца здоровенным волосатым тараканом.

– Будьте любезны, две кружки вашего лучшего пива и чего-нибудь горячего, что там у вас есть на кухне, – быстро вставил Раф на безупречном французском, бросив хозяину монету, и тот повернул к бару.

– Чертовы лягушатники. Похоже, до них еще не дошло, что мы побили их, а, Раф?

– О, они все понимают и ненавидят нас за это. Я бы сказал, что мы с тобой до сих пор живы лишь потому, что большинство парижан прежде всего винят во всем Наполеона. Я слышал, что сегодня нужно снова усилить охрану, чтобы защитить его от прежних «верных сторонников». Интуиция подсказывает мне, что нам следовало бы устраниваться и просто позволить им схватить его. Личный эскорт из тысячи его собственных солдат, в мундирах и с оружием? Зовущих его между собой – ни много ни мало – императором Эльбы? И за это мы сражались, Фитц?

– Верно, слишком уж мы нянчимся с этим недомерком. И вообще, как долго нам придется охранять его? Не то чтобы я очень стремился назад, в Дублин. Сейчас здесь сыро и холодно, однако Париж в отношении уступчивых женщин превышает всех ожиданий по сравнению с Дублином.

– Это лишь потому, что все женщины Дублина уже знают тебя и держатся подальше.

– И то верно. – Фитц пригладил свою аккуратно подстриженную бородку, и его зеленые глаза заискрились. – Местные дамы без ума от такого красавчика, как я. А теперь будь любезен, ответь на мой вопрос.

Раф отхлебнул из кружки порядочный глоток. Служанка швырнула на стол две миски с дымящимся тушеным мясом, подмигнув ему, прежде чем уйти. Ее аппетитный округлый зад был вызывающе соблазнителен, однако странным образом это не пробудило у Рафа никакого желания. Хотя за сходную плату она постирала бы ему рубашку, а он тем временем вздремнул бы.

– Как долго? Шесть месяцев или дольше, согласно приказу. – Раф взял потемневшую местами деревянную ложку и воткнул ее в густое варево, понимая, что сейчас лучше просто закрыть глаза и не задаваться вопросом, что это за мясо. – Надеюсь, я найду возможность поговорить с ним.

Фитц вскинул брови:

– Поговорить с Бони? С чего это тебе вдруг вздумалось?

Раф обхватил себя руками, пытаясь хоть как-то согреться, прежде чем приняться за еду.

– Не знаю, почему я говорю это тебе... ты лишь посмеешься, но я подумываю написать книгу о войне. Ведь ты и сам понимаешь, Фитц, что за все годы под началом Веллингтона мы ни разу так и не столкнулись с самим Бонапартом на поле боя?

– Сдается мне, нам никогда и не хотелось. Итак, ты метишь стать новым Байроном?

– Вряд ли. Это означало бы отвести себе роль героя. Нет, всего лишь простая история, которую никто не прочтет, даже те внуки, которых ты пытаешься мне навязать. В любом случае к Рождеству мы возвратимся в Англию. Надеюсь, ты все еще намерен погостить у меня несколько месяцев?

– Ну да. Я столько слышал о твоём доме, что как будто уже побывал там, но все равно хочу познакомиться с твоей знатной родней. Тем более что за все эти годы я ни одного письма от них не видел. Да и ты им почти не пишешь – разве что по случаю черкнешь пару слов. А как насчет тебя, Раф?

Когда они принялись за еду, Фитц спросил:

– Позволит тебе твой дядюшка герцог снова управлять этим якобы твоим имением?

Раф положил ложку. Есть и без того не хотелось, но теперь аппетит совсем пропал.

– Я никогда ничем не управлял, Фитц, и ты знаешь это. Этим занимались наследники матери по линии ее мужей, и каждый следующий хуже предыдущего. Но, по крайней мере, они слушали мою мать и отказывались от всех предложений его светлости сделать управляющим одного из его людей.

– Почему отказывались?

– Потому что мой дядя не замедлил бы протянуть руку помощи, а второй рукой загреб под себя в два раза больше. И к тому же моя мать терпеть его не может.

– Но имение ведь твое, не так ли? Ты покинул Англию еще юношей, но, когда вернешься, у тебя будет больше прав на него, чем у других?

– В идеальном мире так и было бы. – Раф потер веки: они смыкались, несмотря на все его усилия. – Но так как Уиллоубрук не является частью майората, всем управляет мать, пока мне не исполнится тридцать. – Он снова потянулся к кружке. – И что же? Хорошо она управляет наследством, которое будет принадлежать ее сыну? Да нет. Она то и дело находит себе новых мужей. Вот чем она занимается.

– Возможно, ей захочется выйти замуж за прекрасного молодого ирландца, – поддразнил Фитц Рафа, толкнув его в бок. – Я позволю тебе управлять имением, сколько душе угодно, *сынок*, пока мы с твоей матушкой... Чем мы с ней займемся, Раф, а?

– Я даже обсуждать это не хочу. Кроме того, когда я уезжал, она только сняла траур после смерти мужа, поэтому, кто его знает, возможно, в Уиллоубруке уже другой отчим, а моих сестер снова отправили на «хранение» к герцогу, пока дражайшая госпожа Хелен корчит из себя скромную новобрачную.

– Да ладно тебе! Помню, ты рассказывал, как сам не один год провел вместе с герцогом и его сыновьями, пока он не купил тебе офицерское звание¹. Щедрый дядюшка – еще не самое плохое, что может стрястись с человеком.

– Именно в этом Чарли обычно уверяла меня. Это маленькое чудовище почти сводило меня с ума, но у нее был свой резон, как и у тебя.

Фитц заглянул в свою кружку:

– Вроде я еще не пьян... Здесь еще достаточно эля. Чарли? И ты говоришь: «она»?

Раф улыбнулся, вспомнив девочку, которая была несколькими годами младше его: высокая, тонкая, с длинными ногами и руками. Она постоянно таскалась за ним, словно он был рыцарем в блестящих доспехах.

– Извини, я хотел сказать: Шарлотта. Шарлотта Сиверс. Имение ее отца клином входит во владения моего дяди, как кусок пирога. Коттедж «Роза» и земли вокруг него – пожалуй, еще большая заноза для его светлости, чем Уиллоубрук.

– Розы, занозы... что-то в этом есть.

По какой-то неведомой причине, словно отдавая дань некоему прошлому, Раф все еще ощущал себя обитателем этой «Розы». Он прятался тогда в яблонево́м саду от уроков со своими кузенами, и Чарли окликнула его со своего «наседа» в ветвях одного из деревьев. Он не понимал, как ей это удастся, но, похоже, она всегда знала, где он будет находиться, и можно было не сомневаться, что и она окажется там. Внимание девочки порой льстило ему, но иногда раздражало. В тот день он был раздражен и, чтобы выказать свое недовольство, поднял яблоко, упавшее на землю, и, не особо задумываясь, швырнул в ее сторону.

Это было глупо. Яблоко могло попасть в нее. Девочка могла испугаться, упасть с дерева и ушибиться.

Однако это маленькое чудовище ловко поймало яблоко одной рукой и запустило его обратно.

Три недели он ходил с подбитым глазом.

– Раф! Ты снова витаешь в облаках. Кажется, я сказал, что щедрый дядюшка – еще не самое плохое, что может стрястись с человеком.

Раф встряхнулся, отгоняя воспоминания детства, отчего голова почему-то заболела еще сильнее.

– Верно. Но мальчик, которым я был в девятнадцать, – совсем не тот мужчина, каким, надеюсь, стал сейчас, в двадцать шесть. Я, конечно, благодарен дядюшке за все, но прини-

¹ Вплоть до 1871 г. в английской армии существовала система покупки патентов на офицерский чин. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

мать его холодную благотворительность больше не намерен. Я ничем не могу помочь сестрам и признателен дядюшке за то, что он сделал для них, да и для меня, но теперь пора пробивать дорогу в жизни своими силами.

– О чем это ты?

– Я имею в виду, Фитц, что моим сестрам будет неплохо жить с дядей, и поэтому решил остаться в армии. Посмотрим правде в глаза: ведь я ничего другого не умею – только воевать.

– Наверняка ты поразишься, дружище, – заговорщицки произнес Фитц, ухватив его за руку, – но, сдается мне, нам больше не с кем воевать.

Раф заставил себя улыбнуться и, когда служанка возвратилась еще с двумя кружками эля, притянул ее на колени и зашептал ей на ухо. Хихикнув, она кивнула и тут же стала покусывать его шею, а Фитц пробормотал себе под нос, что Рафу всегда везет.

У него были все основания так считать. Раф знал, что ему в некотором смысле повезло с дядей. Но будь он проклят, если снова станет жить у него из милости.

Возможно, когда человек не так уж богат, гордость становится для него единственным достоянием.

Нужно было также подумать о сестрах и об их будущем. Когда он уезжал на Пиренейский полуостров, близнецы были всего лишь смешными неугомонными детьми, несколькими годами младше Чарли. Сейчас им, должно быть, уже по шестнадцать, и, насколько Раф знал свою мать, – а он прекрасно ее знал! – госпожа Хелен не задумывается об их будущем.

Он понятия не имел, как завести с дядей разговор о Николь и Лидии, но надеялся, что с помощью своей тетки Эммелины сможет уговорить его добавить кое-что к небольшому приданому, выделенному девочкам их отцом, и вывезти их на светский сезон в Лондон.

А как ему быть с его легкомысленной, миловидной, проматывающей наследство, ужасно взбалмошной матерью? Этот вопрос не давал Рафу заснуть по ночам.

Однако в любом случае он был сыт по горло дядюшкиными милостями. Он провел слишком много лет, выслушивая изводившего его кузена Джорджа, графа Сторрингтона, который относился к своим родственникам как к нищим попрошайкам всякий раз, когда они появлялись со своими пожитками на пороге герцогского дома. Сглатывая ком в горле, он принимал помощь для своих сестер – но не брал ни одного жалкого пенса для себя, в чем давным-давно поклялся.

Возможно, в течение следующих шести или девяти месяцев, пока он будет нянчиться с Бонапартом, у него появится время, чтобы обдумать план своей дальнейшей жизни. Слишком много лет он не заглядывал дальше следующего дня, предстоящей битвы, очередных поисков еды и сухого жилья для своих солдат. По молчаливому согласию ни он, ни Фитц не решались говорить о будущем далее следующего дня, чтобы не накликать беду.

Однако теперь, когда война выиграна и Раф с удивлением обнаружил, что он еще цел, можно было больше не опасаться думать о будущем.

Из-за всех этих неугомонных мыслей у него разболелась голова. Голова буквально раскалывалась... и весь он словно разваливался на части.

– Послушай, дружище, – проворчал Фитц, – эта бедная девочка трудится до седьмого пота, пытаясь хоть как-то встряхнуть тебя, если ты понимаешь, о чем я... А ты сидишь здесь как чурбан, свесив руки и уставившись в камин. Почему бы тебе не уступить ее мне? Я-то знаю, как обращаться с девицами этого сорта.

Очнувшись от задумчивости, Раф заметил, что служанка смотрит сейчас на него с некоторым разочарованием.

– Тысяча извинений, моя дорогая, – сказал он по-французски, отпуская ее с колен. – Ты очаровательна, но я очень устал. А вот у того лохматого парня, – Раф ткнул пальцем в сторону Фитца, – много монет.

Благосклонность служанки тут же переключилась на Фитца, она улыбнулась и перебралась к нему на колени.

– О, так уже лучше! Вот так, лапушка, поерзай на мне еще своей пухлой попкой. Вот все, что мне надо от Парижа, – это лучше, чем глазеть на тамошние статуи да шикарные сады! – воскликнул он, когда пышногрудая девица прижалась к нему своими необъятными прелестями. – Прости, дружище, но ты и сам все понимаешь.

– В этом весь ты, Фитц, – спокойно произнес Раф. – Но прежде чем поднимешься наверх, отдал бы мне свой кошелек для сохранности. Черт побери! – Он тряхнул головой и быстро моргнул. – Что там, в этом эле? Вся комната кружится.

Фитц взглянул на друга:

– Ты еще не выпил достаточно, чтобы комната кружилась. Знаешь, Раф, ты выглядишь не слишком... Позволь-ка пощупать твой лоб.

Удерживая одной рукой соблазнительно ерзающую служанку, он потянулся к Рафу, притронулся к его лбу и, отдернув руку, резко затряс ею.

– Проклятье! Да ты горишь!

– Не может быть, Фитц. Я чертовски замерз. Это все мокрый мундир.

Раф сжал челюсти: его зубы начали стучать – он снова ощутил дрожь, лишившись тепла роскошного тела служанки.

– Не думаю. Мне кажется, это лихорадка, которую ты подцепил в Альбуере². Она снова вернулась, и будь я проклят, если это не так. Давай возвратимся в казармы, пока ты не совсем скис, чтобы мне не пришлось тащить тебя на себе, как это было в Витории³.

– Успокойся, – отмахнулся Раф. – Если это снова лихорадка, то хуже уже не будет. Лучше веди-ка девушку наверх и покажи ей, на что способен, в отличие от других, настоящий ирландец. А я... Я просто подожду тебя здесь у камина.

Раф опустил голову на руки.

– Совсем не хочется возвращаться в этот дождь и сырость.

– Ваша светлость? Прошу прощения, сэр, за беспокойство, но не могу ли я с вами поговорить?

– Раф, – прошептал Фитц, слегка подтолкнув его локтем в бок. Голос его внезапно напрягся. – Этот чудной малый, что у того края стола, хочет поговорить с тобой. Сдается, он обращается к тебе, потому сказал «ваша светлость». Наверняка он не может так обращаться ко мне. Да подними же голову! Здесь что-то странное...

Раф заставил себя открыть глаза и искоса взглянул на озадаченного друга, который продолжал смотреть в сторону другого конца стола.

– Дьявольщина! – произнес он, резко выпрямившись, чтобы разглядеть довольно взъерошенного англичанина невысокого роста, который стоял там, как и говорил Фитц. Более того, там было несколько таких англичан... возможно, с полдюжины взъерошенных малорослых англичан, которые раскачивались и переплетались между собой. Раф пытался выделить одного из этой толпы.

– Простите? Чем могу помочь?

– Вы Рафаэль Дотри, не так ли? – спросил человек. – Ох, только бы это и вправду были вы, ваша светлость! Я разыскиваю вас уже почти месяц с тех пор, как закончилась война и стало безопасно пересекать Ла-Манш. Возможно, ни одно из писем вашей тетушки не дошло до вас?

– Ты слышишь, Раф? Ваша светлость. Он снова повторил это, – заметил Фитц, сталкивая служанку с колен.

² Альбуер – деревня в испанской провинции Бадахос.

³ Витория – город на севере Испании.

Девушка разразилась потоком грязной французской брани, что заставило бы покраснеть даже Рафа, если бы он прислушался.

– Да, я действительно сказал именно так, – произнес мужчина. – Вы позволите мне сесть, сэр?

Раф и Фитц удивленно переглянулись.

– Разумеется. – Раф указал на пустой стул перед мужчиной. Из всех сил он пытался держать глаза открытыми. – Однако боюсь, что я не...

– Я вижу, что вы не в курсе дела. Меня зовут Финеас Коутс, ваша светлость, и на меня возложена печальная обязанность сообщить вам, что ваш дядя Чарлтон Дотри, тринадцатый герцог Ашерст, и его сыновья, граф Сторрингтон и почтенный лорд Гарольд Дотри, трагически погибли, когда их яхта затонула у побережья Шорхэма около шести недель назад. По законам наследования вы, сэр, как сын своего отца и последний Дотри, являетесь теперь Рафаэлем Дотри, четырнадцатым герцогом Ашерстом, а также владельцем младшего титула, графом Сторрингтоном, и... и еще виконтом – каким, я, к сожалению, не могу сейчас вспомнить... Вы слышите меня? Сэр?

Раф снова медленно опустил голову на скрещенные руки. Голос человека едва был слышен сквозь звон в ушах. «Забавно», – подумал он, улыбнувшись. В прошлый раз во время приступов лихорадки ему казалось, что он видит ангелов, а не каких-то странных коротышек в плохо скроенных обтрепанных куртках и грязных красных жилетах. Уж лучше бы ангелы...

Фитц встряхнул его:

– Раф, ответь ему. Ты слышал, что он сказал?

– Да, да. Исчезли. Что-то в море...

– У Шорхэма, ваша светлость, да. Сестра покойного герцога, леди Эмелина Дотри, поручила мне также передать лично вам письмо с просьбой возвратиться в Ашерст при первой возможности. Мои соболезнования, сэр, и мои поздравления, ваша светлость. Ваша светлость?

Фитц убрал с лица Рафа длинную прядь влажных волос.

– Не думаю, что его светлость слышит вас, Финеас. Может, вы расскажете мне подробней об этом деле с герцогством? Ко всем этим шикарным титулам, должно быть, прилагаются некоторые деньги?

– Во всей Англии не найдется сыра, перемазанного маслом так густо... э-э-э, то есть я хотел сказать, его светлость весьма богат.

Фитц хлопнул Рафа по спине.

– Слышишь, Раф? Ты богат, счастливчик! Просыпайся, выпьем за твою удачу! На твои денежки, конечно, ведь у тебя их теперь много.

Раф не шевельнулся, даже когда Фитц потряс его за плечо.

– Ну, что скажете, Финеас? Бедняга! Все его проблемы разрешились, заботы развеялись на все четыре стороны, а он даже не знает об этом. Его светлость решил немного поспать. Но, как обычно, к утру он будет в порядке.

– О, он пьян, сэр, – понимающе кивнул Финеас.

– К несчастью для него, нет. Но я бы не прочь, – подмигнул Фитц.

– Да, капитан, вполне вас понимаю. – Финеас жадно пожирал глазами почти полную миску, стоящую перед Рафом. – В этом случае, так как мне было приказано ни при каких условиях не покидать его светлость, когда я отыщу его, не будет ли правильным присоединиться к вашему обеду, капитан? Должен сказать, это блюдо восхитительно пахнет!

Часть первая

Ашерст-Холл, ноябрь 1814

Дружба – это любовь без крыльев.
Лорд Байрон

Глава 1

Шарлотта Сиверс бросилась на поиск злодеек. И она твердо решила: пленных не брать. Всего несколько минут назад, пребывая в счастливом неведении, она удобно устроилась в гостиной небольшого дома в поместье своих родителей и наслаждалась видом сверкающих серебром ноябрьского инея деревьев за окном, с ветвей которых лишь недавно облетела листва. В комнате было тепло и уютно.

Но затем экономка принесла ей одно из писем, прибывших с утренней почтой.

Сделав еще глоток душистого чая, Шарлотта распечатала послание своей близкой подруги и стала читать его. Чувство тревоги и изумления все возрастало, пока только что полученные сведения не превратили ее блаженное неведение в праведный гнев.

– Закоренелые лгуны! Мошенницы! Гнусные интриганки!

Ее зубы стучали от холода: она выбежала из дома, не успев найти накидку теплее, чем эта потрепанная, в которой она работала в саду, висевшая на крючке возле кухни.

– Им повезет, если я оставлю их в живых!

Она зашагала по протоптанной тропинке, которая вела через лес от дома к середине дороги к Ашерст-Холл.

– А глупее всех я, потому что верила им!

Дело в том, что после многих месяцев упомянутого неведения мисс Шарлотта Сиверс обнаружила, что Николь и Лидия Дотри – а судя по всему, в основном Ники, так как Лидия, понимая, что у нее нет выбора, действовала совместно с ней, – водили ее за нос. Они водили за нос всех.

Все это время, с самой весны, когда Николь и Лидия впервые получили известие от Рафаэля Дотри, что с ним все в порядке и он осведомлен о смерти своего дяди и кузенов, они ловко обманывали Рафа, свою тетку Эммелину и Шарлотту.

Ах да, и миссис Бизли. Впрочем, обвести вокруг пальца миссис Бизли было не так уж сложно: близнецы годами практиковались, прежде чем настало время одурачить гувернантку.

Сгорая от нетерпения скорее взглянуть в лицо сестрам Дотри и задать им хорошую взбучку, Шарлотта спешила по влажным скользким листьям, усеявшим тропинку, но внезапно упала, испуганно вскрикнув: «Черт побери!»

Тут же вскочив на ноги, она быстро огляделась: не услышал ли кто-нибудь это неподобающее леди восклицание, а затем отряхнула с накидки прилипшие листья и комочки мха.

Чтобы успокоиться и прийти в себя, Шарлотта сделала несколько глубоких вдохов. Ведь она считалась благовоспитанной, благородной девушкой, а сейчас несется по лесу, словно дикий вепрь.

Но тут она снова вспомнила, как Ники и Лидия все лето и осень посылали письма туда и обратно, брату – выдавая себя за тетку, а тетке – представляясь своим братом. Письма эти Шарлотта видела, близнецы давали их ей читать – а тем временем наверняка потешались за ее спиной над ее доверчивостью.

И что еще хуже: если бы Эммелина не написала ей сейчас лично, и ее слова и вопросы не противоречили тому, о чем она говорила в тех письмах, которые близнецы показывали Шарлотте, она бы до сих пор оставалась в неведении.

У Шарлотты возникли подозрения сразу же, как только она начала читать письмо: почерк Эммелины слишком отличался от того, которым были написаны письма, якобы приходившие в Ашерст-Холл.

И это подозрение превратилось в твердую уверенность, когда она прочла: «Шарлотта, клянусь, я иногда думаю, что Раф – это Ники в брюках. Эта девчонка никогда не могла написать слово длиннее трех букв».

В этот момент Шарлотта подумала, что Раф, который учился, хотя и урывками, вместе со своими кузенами, становится круглым невеждой, как только дело доходит до грамматики и правописания.

– Они заплатят за это! – воскликнула она, откидывая со щеки выбившийся из-под капора каштановый локон, под которым на ее безупречной коже виднелось грязное пятно.

Эммелина, счастливая в своем новом браке, проводила долгий медовый месяц в Озерном крае и была спокойна, пребывая в уверенности, что Раф вернулся домой сразу же после получения известий о перемене в своей судьбе.

И бедный Раф, выполняющий свои обязанности на Эльбе, был убежден, что леди Эммелина крепко держит в своих руках Ашерст-Холл, и в том числе заботится о его молодых сестрах, пока он не завершит свою миссию.

– А я одурачена двумя испорченными чудовищами, почти что школьницами, – не считая того, что они наверняка нашли способ избавиться от своих занятий, – бормотала Шарлотта, вышагивая по тропинке, подобрав подол платья. – Сочувствовать девочкам: ах, как им не хватает брата... Подшучивать вместе с ними над Эммелиной, потерявшей голову от любви. Они спокойно управляли хозяйством все эти месяцы, едва выйдя из детской и из-под опеки гувернантки, лишь потому, что их брат написал, что с удовольствием – нет! «с удовольствием» – предоставил бы им больше свободы. Их *брат* написал? Ха! Клянусь, я откручу им головы!

Занятая мыслями о том, как она расправится с ними, Шарлотта выбежала из леса на покрытую гравием подъездную дорогу, петлявшую через ухоженный парк.

Вдруг перед ней возник всадник на лошади, мчавшейся стремительным галопом. Шарлотта едва не поскользнулась на камнях, вскинув руки и издав сдавленный вскрик.

Лошадь испуганно заржала – то ли из-за неожиданного появления Шарлотты, то ли из-за того, что всадник резко натянул поводья. Встав на дыбы, она забила копытами в воздухе, словно пытаясь вскарабкаться по невидимой лестнице.

Незадачливый всадник тут же слетел с лошади, упав навзничь.

Шарлотта, девушка далеко не из робких, быстро овладела собой. Она смело схватила повисшие поводья, чтобы удержать лошадь, – но, как тут же заметила, та, судя по всему, не собиралась убегать. Затем Шарлотта направилась к лежащему всаднику, надеясь, что тот встанет без посторонней помощи, если только у него не разбита голова или не случилось что-то похуже.

– Вы в порядке, сэр? – осторожно спросила она, склоняясь над мужчиной, запутавшимся в коричневом дорожном плаще с многослойным воротником. – Приношу извинения. Я знаю, что целиком и полностью виновата в вашем несчастье, но считаю, что с вашей стороны будет чрезвычайно тактично и по-джентльменски, если вы сделаете вид, что так не считаете.

Мужчина что-то пробормотал, но неразборчиво, так как его голову все еще окутывал этот на редкость модный плащ. Однако Шарлотта не сомневалась, что его ответ не был столь великодушен, как она могла бы надеяться.

– Простите, но если б вы расстегнули свой плащ, то, возможно, смогли бы освободиться? – Шарлотта округлила глаза, сознавая, что, скорее всего, лишь ухудшила положение. – Мне пойти... Мне пойти за помощью?

– Боже упаси, нет, – ответил мужчина, стараясь выпутаться из плаща и сесть. – Я и без того порядочным дураком себя выставил, так что благодарю покорно. В публике я не нуждаюсь.

Наконец его голова появилась из свернувшегося клубком плаща. Крупная прядь черных волос закрывала глаза.

– Где моя чертова шляпа?

– У меня, – сказала Шарлотта, держа шляпу в руках. – Она слегка помялась, но думаю, ее вполне можно привести в порядок. Грязь сухая и легко очистится.

Мужчина все еще не глядел на нее, занятый попытками привести в порядок воротники своего плаща так, чтобы они снова правильно лежали на плечах. Шарлотта насчитала четыре воротника, каждый следующий был большего размера – довольно впечатляюще! Будь воротников хоть на один больше, мужчину можно было бы причислить к денди, а меньше – выглядело бы уже и вполтину не так модно. Однако сейчас, вывернутая наизнанку над его головой, вся эта прекрасная новомодная лондонская одежда лишь причиняла неудобство.

– Так, мадам. Полагаю, вы считаете, что я должен прийти в восхищение от вашего сообщения. Как мне повезло! Мой плащ лишь разорван – ах, всего на две части! – а моя новая шляпа *слегка помята*. Какое счастье! Возможно, вы думаете, что мне следует поблагодарить вас?

– Не стоит грубить, – произнесла Шарлотта, понимая, что, возможно, виноваты оба. Мужчину сбросила лошадь, его прекрасная одежда – несомненно, очень дорогая – испорчена. По ее вине? Ради бога! Пожалуй, ей не стоило обращать внимание на то, что, если б он не натянул поводья с такой силой, его лошадь – похоже, вовсе не норовистая – не встала бы на дыбы. Ну да, ей, возможно, вообще не следовало обращать на это внимание. – Я не собиралась сбрасывать вас с лошади. Это был несчастный случай.

– Несчастный случай, как же! Тот идиот, который устроил в Лондоне Большой пожар, тоже так говорил. Вы выскочили на дорогу, мадам. А теперь будете утверждать, что именно я виноват в том, что вообще ехал по ней.

– Вздор! – резко ответила Шарлотта, уже теряя терпение. – Вы вправе находиться здесь. А собственно, почему вы здесь? – нахмутив брови, спросила она.

Мужчина наконец встал и выхватил у нее шляпу. Он надел ее, но тут же сбросил, коротко выругавшись, и шляпа упала на дорогу. Шарлотта привстала на цыпочки. Надо же! Он высокий! Это впечатляло.

– В чем дело? Что случилось? Что-то с головой? Но я ничего не вижу.

Но как она могла увидеть? Он был очень высок, что поразило Шарлотту. При ее высоком росте не так уж много ей встречалось мужчин, которым она оказалась бы по плечо. Этот человек действительно заставил ее почувствовать себя неловко.

– Проклятье! – Мужчина прикоснулся к затылку и посмотрел на руку: пальцы были в крови. – За шесть лет войны остаться почти невредимым, а всего в миле от дома – разбить голову! Да еще из-за женщины, не иначе!

От дома? Он сказал: *от дома*. Она услышала это. Ее глаза широко раскрылись от изумления.

Пока он шарил в кармане, отыскивая носовой платок, чтобы зажать рану, Шарлотта смотрела на Рафаэля Дотри, которого в последний раз видела в тот день, когда он уехал на войну, да еще только в своих глупых девичьих мечтах в последующие годы.

Он выглядел совсем не таким, каким она помнила его.

Этот человек казался в два раза крупнее того Рафа, которого она знала прежде, – хотя, возможно, все дело было в том, что он весил на добрых три стоуна больше, чем тот долговязый юноша, из-за чьей широкой искренней улыбки у нее подгибались колени. Волосы? Да, это были все те же угольно-черные волосы, которые она помнила, только длиннее.

Но черты его лица казались более резкими, мужественными, а кожа стала смуглой, как у фермерских работников... за эти годы солнце и ветер продубили ее, и в уголках глаз появились морщинки.

Шарлотта снова оглядела его.

Это не были глаза Рафа. Цвет тот же – глубокий, карий, почти золотистый. Но взгляд их стал тяжелым.

Глаза человека, умудренного годами, а не те смеющиеся глаза мальчика, которого она знала прежде. Эти глаза видели то, чего она и представить себе не могла.

Шарлотта подавила легкую дрожь: ее охватила какая-то смутная робость, к которой, однако, примешивалось откровенное любопытство. Почему она никогда не задумывалась, что война и шесть долгих лет, проведенных вдалеке от Ашерст-Холл, могут так изменить его?

– Раф?

Все еще прижимая платок к затылку, он взглянул на нее:

– Простите?...

Неужели в его глазах и вправду зажегся интерес?

– Боюсь, у вас преимущество передо мной, мадам.

– Если так, ваша светлость, то это что-то новенькое, – ответила Шарлотта, сделав насмешливый реверанс. И похоже, она не собиралась придержать язык. – Пожалуй, мне следовало бы сбросить вас с лошади еще шесть лет назад. Возможно, в тот день, когда вы с Джорджем и Гарольдом как ни в чем не бывало обсуждали в моем присутствии прелести новой служанки в деревенском трактире – словно меня рядом и вовсе не было.

– Постойте, мадам... Неужели...

Раф моргнул и наклонился ближе, внимательно вглядываясь ей в лицо.

– Чарли? Ей-богу, это ты! И все еще бушуешь во всем Ашерст-Холл, как я погляжу. Мне следовало бы сразу догадаться. Может, тебе стоило бы опять швырнуть мне в голову яблоко. Тогда бы я сразу вспомнил. От тебя всегда можно было ожидать какой-нибудь выходки.

Шарлотта подавила желание снова встать на цыпочки и вlepить ему пощечину.

– А вы, ваша светлость, всегда были бесчувственным грубияном. К тому же я – Шарлотта, а не Чарли. Терпеть не могу, когда меня называют Чарли.

– В самом деле? – живо улыбнулся он, и в груди у Шарлотты что-то сжалось. Пусть это был и не тот Раф, которого она помнила, но улыбка была та самая – открытая, искренняя. – Мне больше нравится Чарли. Как можно, обладая здравым умом, хотеть, чтобы тебя называли Шарлоттой?

Она молча признала, что он прав. Она ненавидела свое имя, перешедшее к ней от двоюродной бабки, которая соблаговолила выделить девочке небольшое приданое с условием, что она будет носить ее имя. Но все же...

– Все называют меня Шарлоттой, – сухо сообщила она Рафу. – Но вы можете называть меня мисс Сиверс.

– Черта с два, – ответил Раф, рассматривая свой платок. Затем, по-видимому удовлетворившись увиденным, сунул его в карман и снова взглянул на Шарлотту. – Ты стала хорошенькой. Но, наверное, отпугнула всех мужчин. Я помню, как ты пугала меня. Тебе, должно быть, уже двадцать два?

– Не совсем, ваша светлость.

– Значит, почти.

Раф взял у нее поводья и снова повернул к Ашерст-Холл, предоставив ей возможность либо поднять его шляпу и следовать за ним, либо просто остаться торчать на дороге, как самому нелепому созданию на свете.

– Представляю, как ты скоро начнешь примерять чепчики, готовясь стать старой девой.

Шарлотта взглянула на его красивую модную шляпу и, приподняв юбки, отшвырнула ее ногой в кусты.

– Ну уж нет, ваша светлость, – ласково произнесла она вдогонку. – Я просто жду, когда вы возвратитесь и мы поженимся, ведь я всегда любила вас издали. Думаю, это само собой разумеется.

Ага! Теперь она полностью завладела его вниманием. И все, что ей нужно было сделать, – это сказать правду, как бы неприлично это ни было. Хотя она была уверена: это единственное, чему Раф никогда не поверит.

– Черт побери! Я сражен наповал. Ты всегда была забавной девчонкой, не так ли? – улыбнулся он ей. – Но ты совершенно права, Чарли, и я прошу прощения. Это не мое дело, замужем ты или нет. Итак, теперь, когда мы наконец объяснились и я вполне убедился, что моя рана не смертельна, почему бы тебе не сказать, куда ты так спешишь?

Шарлотта собралась было ответить ему, но тут же закрыла рот. У Рафа и без того достаточно забот, не хватало ему еще узнать, как его сестры развлекались в течение многих месяцев.

– Я... я спешу скорее попасть в усадьбу. Я не знала, что будет так холодно, когда вышла из дому.

Похоже, ответ его удовлетворил.

– Они знают о моем приезде? – спросил он на повороте дороги, когда Ашерст-Холл наконец показался вдалеке. – Я писал Эммелине из Лондона, но мог опередить почту.

– Да... кстати, – сказала Шарлотта, сжимая руки в перчатках, – Эммеины сейчас нет здесь.

Она взглянула на Рафа, пытаясь сообразить, насколько он осведомлен.

– Она с мужем уехала в Озерный край. Это часть их свадебного путешествия.

Раф кивнул:

– С герцогом Уоррингтоном, да. Я справлялся о нем в Лондоне. Порядочный человек, по общему мнению. Но кто же тогда присматривает за сестрами?

«Хороший вопрос», – подумала Шарлотта.

– Ну, я, разумеется.

– Ты? Но ты сама еще почти девочка!

– Только что ты примерял на меня чепчик старой девы, – напомнила она, мысленно добавив к своему списку причин для расправы с близнецами – уже довольно длинному – еще один пункт: из-за них она стала лгуньей.

– Значит, ты живешь в Ашерст-Холл, а не направляешься туда с визитом? Ты просто вышла на прогулку?

– Конечно... – помедлив, согласилась Шарлотта, задумавшись, насколько далеко она может зайти, покрывая проделки Николь и Лидии, прежде чем это аукнется ей самой. – Ну да, на прогулку. Навестить родителей. Моя мама... У мамы сильная простуда.

– Возможно, она подхватила ее, гуляя в холодную погоду в неподходящей накидке, – усмехнулся Раф, поддразнивая ее. – Это должно стать для тебя уроком, Чарли.

Она не обратила на это внимания.

– Но я не одна опекаю близнецов, – импровизировала на ходу Шарлотта. – Их гувернантка, миссис Бизли, как тебе известно, постоянно находится в доме, а также вся прислуга – их там более сорока человек. Вряд ли Николь и Лидия предоставлены самим себе, чтобы проказничать.

Проказы, интриги, козни... о, они заплатят за все. Обе заплатят!

– А моя мать? Она тоже здесь? – спросил Раф.

Он, безусловно, доверял ей. В конце концов, к чему ей лгать? Эмелина права: мужчины действительно доверчивы.

Шарлотта покачала головой:

– Ваша мать, ныне вдовствующая герцогиня Ашерстская, как она то и дело напоминает нам, уехала в Лондон на малый сезон, а оттуда, думаю, отправится в Девон – там предполагается загородный прием на несколько дней.

– Она действительно вдовствующая герцогиня? Господи, представляю себе. Должно быть, она рада без памяти.

– Да, только не потому, что *вдовствующая*, – улыбнулась Шарлотта, вспомнив, как Хелен Дотри металась между желанием прикрепить к корсажу знак высокого титула и мыслями, что она настолько стара, что приходится герцогу матерью. – Думаю, она довольна, что стала леди Дотри.

– Моя мать никогда ничем не удовлетворяется, Чарли, – произнес Раф, когда они остановились в конце изгибающейся кольцом подъездной дороги, которая вела к огромным парадным дверям Ашерст-Холл, и посмотрели на особняк. – Мне до сих пор не верится. Я все еще чувствую себя нищим попрошайкой, явившимся в усадьбу.

Он повернулся к ней, и от его взгляда, проникающего до самой глубины души, ее сердце снова сжалось в комок. Ей следовало бы крепче держать себя в руках.

– Сейчас ты похож на своего кузена Джорджа.

– Пожалуй... Они действительно умерли? Все это не просто долгий сон наяву и скоро я увижу свою маленькую комнату рядом с детской?

– Герцогские апартаменты уже готовы для вас, ваша светлость, – довольно мягко ответила она, ибо, глядя сейчас в эти золотисто-карие глаза, она увидела перед собой прежнего Рафа, не такого самоуверенного, каким он выглядел недавно. – Ваша тетюшка Эмелина позаботилась об этом.

– Все еще трудно поверить, что герцога больше нет. И его сыновей...

– Пусть они покоятся в мире, – вздохнула Шарлотта, глядя на Ашерст-Холл с его четырьмя дверьми, дюжиной массивных дымоходов и тридцатью спальнями. Где-то там, за этими массивными стенами из песчаника, двум ни о чем не подозревающим плутовкам предстояло вот-вот оказаться в ежовых рукавицах мисс Шарлотты Сиверс.

– Ну, что касается моих апартаментов, это не слишком важно, – сказал Раф, и она почувствовала на себе его взгляд. – А о Джордже и Гарольде ты не заботилась?

Шарлотта отвернулась, слегка вздрогнув, но не от холода.

– На самом деле в эти последние годы мне было известно о них не слишком много, они в основном жили в Лондоне.

– Да, в особняке на Гросвенор-сквер. Я останавливался там на неделю, прежде чем отправился сюда. Необходимо было обновить гардероб. Купил этот плащ, шляпу. – Он вопросительно взглянул на нее: – Где моя шляпа, Чарли?

Ей действительно следовало перестать сочувствовать этому человеку.

– Во-первых, Шарлотта. И я отвечаю за ваших сестер, ваша светлость, а не за шляпу.

– Вот теперь я вспоминаю и этот нравоучительный тон. Ты бросила мою шляпу там, посреди дороги, да? Чтобы наказать меня за чепчик старой девы?

– Посреди дороги? Вовсе нет, – возразила она.

– Нет, это я оставил ее там, не так ли? Я несу за нее полную ответственность. Знаешь, Чарли, я бы не говорил это кому-то другому, но сознание того, что я теперь ответствен за

все это, – Раф взмахом руки указал на Ашерст-Холл, свое имение, все свое наследство, – несколько пугает.

– Вполне могу представить, ваша светлость, – ответила Шарлотта, вздохнув при мысли о близнецах. – Когда на твои плечи внезапно сваливается ответственность, которую не ожидал, это порядком сбивает с толку.

– Гаррис, мой мажордом в Лондоне, порядком утомился, называя меня «ваша светлость» и не слыша ничего в ответ. Я понимаю, что это случилось не вчера, но только сейчас, когда возвратился в Англию, я стал осознавать всю важность произошедшего. Я удобно чувствовал себя капитаном Рафаэлем Дотри. И не уверен, Чарли, что справлюсь со всем этим.

Это прозвучало неожиданно откровенно и честно, и сердце Шарлотты снова потянулось к нему. Она, не раздумывая, положила руку ему на плечо.

– Ты прекрасно справишься, Раф. И все в Ашерст-Холл помогут тебе.

– Вот так уже лучше. Ты назвала меня Рафом. Пожалуйста, всегда называй меня так, Чарли... Шарлотта, – кивнул он, вздохнув. Но, видимо, тут же вспомнил, что он – герцог Ашерст и должен делать вид, что не подвластен страхам, опасениям и вообще любым человеческим слабостям. – Я слишком долго держу тебя на холоде. Пойдем в дом.

Шарлотта представила лица девочек при встрече не только со своим братом (если его рослая фигура и внушительный вид произвели на нее такое впечатление, то каким он покажется сестрам?), но и с самой Шарлоттой Сиверс, которая стоит рядом с ним и глядит на них уничтожающим взглядом.

– Хорошо. По крайней мере, тебе следует позаботиться о своей голове.

– Забавно, но мой друг Фитц тоже много говорит о моей голове, хотя и не в столь вежливых выражениях. Вы с ним наверняка быстро найдете общий язык.

– Извини?...

– Не обращай внимания. Скоро Фитц прибудет сюда в моей карете, и объяснений не потребуются.

Парадные двери открылись, как только они поднялись по широким каменным ступеням.

– О, я вижу, лакеи моего покойного дяди любопытны, как всегда. За нами наблюдали, Шарлотта. Хорошо еще, что я не запятнал твою репутацию, попытавшись соблазнить тебя, пока мы стояли здесь.

– Ты бы не сделал этого, – произнесла Шарлотта, тут же придя в себя.

– Ну да, а должен был?

Она пристально взглянула на него.

– Знаешь, Раф, ты и наполовину не столь остроумен, каким себе кажешься.

– Да, и Фитц так считает.

Он взял ее под руку, и они вместе вошли в огромный вестибюль Ашерст-Холл. Дверь за ними сразу же закрылась, и холодный сырой день остался за порогом.

– Его светлость возвратился с Эльбы, – сообщила Шарлотта явно пораженному молодому лакею, который, вместо того чтобы тут же броситься к Рафу и помочь ему снять плащ, стоял открыв рот и, вытаращив глаза, глядел на нового хозяина.

– Билли, – тихонько подтолкнула его Шарлотта, – плащ его светлости.

– Какой большой, да, мадам? – продолжая тарашиться, пробормотал Билли, прежде чем его оттолкнул в сторону Грейсон, чопорный седовласый мажордом Ашерст-Холл.

– Позвольте мне, ваша светлость, – сказал Грейсон, ловко принимая плащ Рафа и одновременно отвешивая безупречный поклон, официальный и одновременно подобоострастный. – Могу я осмелиться приветствовать вас с прибытием домой? Я уже распорядился, чтобы предупредили леди Николь и Лидию. Они ожидают вас в большом зале.

– Спасибо, Грейсон, – сдержанно произнес Раф и повернулся к Шарлотте, чтобы помочь ей снять накидку. – Как хорошо быть дома. Моя дорожная карета вскоре будет здесь. Проследите, пожалуйста, чтобы позаботились о моем багаже, а также оказали достаточную помощь моему лучшему другу капитану Фитцджеральду. Он ранен, и его нужно как можно скорее перенести в спальню.

– Почту за честь, ваша светлость, – снова отвешивая поклон, сказал Грейсон.

– Почтет за честь? Бедняга, пожалуй, лопается от злости, что ему приходится кланяться мне. Он бы скорее спустил меня с лестницы, – прошептал Раф, когда они с Шарлоттой шли по широкому коридору, облицованному черно-белым мрамором, к двойной двери, ведущей в большой зал. – Знаешь, когда-то я подложил ему в постель жабу.

– Да. Двух жаб: одну под подушку, а другую под покрывало. Чтобы он решил, что уже все в порядке, когда уберет ту, которую вначале заметит.

Раф взял Шарлотту за руку, и она ощутила слабую дрожь во всем теле, в чем вполне отдавала себе отчет.

– И еще – хотя, думаю, ты знаешь об этом. Потолок в этом зале устроен так, что даже шепот слышен в каждом углу.

– Так какого же черта ты...

Они оглянулись. Грейсон следовал за ними шагах в двадцати. Его большие уши приобрели весьма подозрительный багрово-красный оттенок.

– Ступайте, Грейсон, ступайте! – бросил ему Раф и, слегка сжав руку Шарлотты, заставил ее ускорить шаг, в то время как Билли поспешил вперед, чтобы поскорей открыть двойные двери. – Я начал не лучшим образом? – прошептал Раф.

– Ох, не знаю, – ответила Шарлотта, озабоченно оглядывая огромный зал: где же Николь и Лидия? – Думаю, ты проявил хорошие манеры, упав к моим ногам. Ах, вот они, ваши дорогие, любимые сестры, которым не терпится приветствовать вас в вашем доме.

Шарлотта глядела, как Николь вскочила и нетерпеливым жестом указала Лидии, чтобы та тоже встала.

Они обе неподвижно стояли перед небольшим атласным диваном, словно их ноги приросли к полу.

Сейчас близнецам было по шестнадцать – уже далеко не те неуклюжие девочки, еще не вышедшие из детского возраста, которых Раф в последний раз видел перед тем, как отправился на войну. Шарлотта подумала, что они вряд ли узнали бы друг друга.

Внешне сестры-двойняшки выглядели совершенно разными. В сущности, все трое детей Дотри были мало похожи друг на друга.

Николь отличалась почти таким же черным цветом волос, как и у Рафа, но глаза ее были не золотисто-карие, а фиалковые – Шарлотта еще ни у кого не видела таких глаз. Выразительно изогнутые брови и длинные черные ресницы делали взгляд этих фиалковых глаз каким-то особым, почти завораживающим. *Колдовским*, как однажды почти всерьез заметил отец Шарлотты, добавив, что в прежние времена девушка несомненно окончила бы свои дни на костре.

У Николь была безупречная светлая кожа, но, так как она отказывалась носить шляпку и любила проводить время на воздухе, ее нос и щеки усеивали симпатичные веснушки, а румянец, столь неподобающий леди, лишь украшал ее.

Одним словом, Николь выглядела как всегда – цветущее дитя природы, полное озорства и проказ.

Лидия была полной противоположностью. У этой сестры Николь, похожей на их мать, волосы были пшеничного цвета, а глаза голубые, как летнее небо. Кожа ее не пестрела веснушками: она никогда не забывала надевать шляпку – и не потому, что боялась веснушек, а оттого, что ей говорили, что всегда следует носить ее. Застенчивая, тихая, прилежная,

Лидия напоминала полураспустившийся бутон цветка, который, склонив головку, старается не привлекать внимания в своем укромном уголке сада, чтобы его не сорвали прежде, чем он будет готов расцвести. Сейчас Лидия стояла наклонив голову так низко, что Шарлотта могла видеть лишь эти огромные голубые глаза, в которых сквозило чувство вины.

Однако небольшой, тонко очерченный подбородок Николь был приподнят почти вызывающе.

Если бы художник смог запечатлеть сейчас позу сестер, не понадобилось бы никаких слов, чтобы описать их характер.

Или понять, кто из них главный.

– Девочки, как замечательно! – сказала Шарлотта, сделав лишь один вдох, который, как показалось ей, длился целую вечность. – Ваш брат возвратился. Я уже рассказала ему, что ваша тетя Эмелина поручила мне опекать вас, пока она путешествует, и как мы прекрасно проводим время здесь в ожидании ее приезда. А теперь не стойте, словно статуи, подойдите поприветствуйте брата.

Лидия подняла на нее округлившиеся глаза, оторопев от этого потока лжи, которую Шарлотта только что вывалила на них. Но Николь, всегда готовая затевать козни, сказала даже не моргнув:

– И она настоящий тиран, мы даже не осмеливались ни на что, стараясь вести себя самым лучшим образом, как подобает сестрам герцога. Герцога, Раф! Разве может быть что-то чудеснее?

Протянув руки, она шла к нему по огромному ковру, который, казалось, протянулся на целую милю, и, произнося последние слова, оказалась уже достаточно близко, чтобы броситься к брату в объятия.

Обнимая сестру, Раф взглянул на Шарлотту, и в его глазах промелькнул испуг.

– Ты... ты выросла, – произнес наконец он, когда Николь отступила на шаг, с улыбкой глядя ему в лицо. – Я... я не уверен. – Он кашлянул в кулак. – Ты кто?

– Я Николь, конечно. Ты называл меня Ники, что мне ужасно не нравилось, но теперь мне кажется, что это прекрасное имя. Лидия, что ты там застыла? Иди поздоровайся с Рафом.

Она снова повернулась к брату и заговорщицки прошептала:

– Называй ее Лидией. У этого имени не так уж много уменьшительных, которые звучали бы менее официально.

Шарлотте хотелось подтолкнуть Рафа локтем, чтобы он взял правильный тон. Ему следовало немедленно поставить Николь на место, иначе он рисковал утратить контроль. Но он промолчал. Николь совсем сбила его с толку. И это не предвещало ничего хорошего для ее предстоящей поездки в Лондон.

– Добро пожаловать домой, ваша светлость, – присев в реверансе, сдержанно произнесла Лидия, протянув ему руку и тут же отдернув ее – возможно, как предположила Шарлотта, решив, что брат собирается поцеловать ее.

– Благодарю... Лидия. – Раф посмотрел, как она вернулась на место и села, расправив юбки. – Может, Лидди? – предложил он. – Но я никогда не называл ее так.

Закусив губу, Николь покачала головой:

– Не вздумай! Мама говорит: слава богу, что мы не католики, иначе Лидия давно ушла бы в их монастырь. Но с ней все в порядке. Все дело в том, чтобы знать, как держать ее в руках.

Шарлотта округлила глаза:

– А то, что ты делаешь, – это правильно и всегда тебе на пользу?

– Она моя сестра. *Я защищаю ее*, – заявила Николь. В ее фиалковых глазах заплескались озорные искры. – Могу я предложить вам, ваша светлость, бокал вина? Когда нам сообщили, что вы на подъездной дороге, я едва успела распорядиться, чтобы Грейсон принес лучшую

бутылку из винного погреба дядюшки Чарлтона. Я налью всем по бокалу. Нужно провозгласить тост в честь вашего возвращения.

Раф вопросительно взглянул на Шарлотту:

– Ты позволяешь им пить вино?

– Разумеется, нет, – ответила Шарлотта, взглянув на Николь. – Тебе, моя девочка, придется удовольствоваться лимонадом.

Оттопырив пухлую губку, Николь скорчила недовольную гримасу, но тут же улыбнулась:

– Видишь, Раф? Шарлотта настоящий тиран в том, что касается приличий. Не так ли, Шарлотта? Право, я даже не знаю, что бы мы делали без нее в эти недели, пока тетя Эммелина отсутствует.

Раф все больше становился похожим на безоружного в стане врагов.

– Недели?! Эммелина уехала на целые недели? Она не писала мне об этом ни в одном из своих писем.

– Моя суровая наставница должным образом отчитала меня, поэтому я просто прикажу Грейсону, чтобы он налил тебе вина, Раф.

Николь торопливо вышла, лишь на мгновение бросив Шарлотте предупреждающий взгляд: *все будет прекрасно, если ты сейчас ничего не испортишь.*

Шарлотта с трудом сглотнула и повернулась к Рафу. Он вопросительно глядел на нее. И она пошла в наступление:

– Так ты утверждал, что не веришь, будто я должным образом слежу за твоими сестрами?

– Я... нет, нет, конечно нет. Прости меня, пожалуйста. Безусловно, если Эммелина сочла, что ты способна отвечать за близнецов, то как я могу сомневаться в ее решении? Но они... они уже не маленькие девочки, ведь так, Чарли?

– Шарлотта, – напомнила она, уже не слишком надеясь, что он будет следить за этим. – Да, уже не маленькие. Но еще и не молодые женщины, как бы этого ни хотелось Николь. На прошлой неделе я застала ее в спальне Эммелины: она пыталась взбить волосы и надеть довольно безвкусную пару ее золотых сережек с рубинами, о покупке которых Эммелина, должно быть, уже пожалела.

Раф быстро взглянул на диван, на котором сидели девочки, взяв друг друга за руки и перешептываясь.

– Я начинаю скучать по войне, – устало сказал он. – Слишком взрослые для детской комнаты, слишком молодые для сезонов. О боже, что же мне делать с ними?

– Что делать? Оставить их здесь, в деревне, пока уедешь щеголять в Лондон. На время как бы забыть о них, пока не наступит время нарядить их, как рождественскую елку, и отправить на ярмарку невест, изо всех сил моля Бога, чтобы к концу сезона не пришлось везти их обратно в деревню. Что еще делают семьи с дочерьми?

Раф ухмыльнулся:

– Пожалуй, я уловил какой-то неодобрительный намек в твоем голосе, Чарли? Не была ли ты одной из тех, кого привозили обратно в деревню? Ну конечно же была. Неужели все мужчины в Лондоне слепы? Или ты действительно ждала моего возвращения домой?

Шарлотта почувствовала, как при этих словах краска бросилась ей в лицо, хотя их не следовало принимать всерьез.

– Я сказала это лишь потому, что ты разозлил меня, – солгала она и почти обрадовалась, когда к ним подошел Грейсон, чтобы сообщить его светлости о прибытии его друга капитана Фитцджеральда.

– Весьма... необычный джентльмен, ваша светлость, – произнес он, и по его тону было ясно, что он не вполне одобряет капитана. – Он желает вашего немедленного присутствия, сэр.

– Желает? Я скорее поверю, что мой добрый друг капитан Фитцджеральд *требует* моего присутствия!

– Да, ваша светлость. Я понял, что это ваш друг, как только он открыл рот.

– Удар в спину? Прекрасно, Грейсон.

Раф взял Шарлотту за руку и развернул лицом к выходу.

– Пойдем, Шарлотта. Хочу познакомить тебя с этим негодяем.

– Я не желаю навязываться...

– Чепуха. Сейчас, когда Эммелина упорхнула отсюда, не знаю, что бы я делал без тебя, встретившись со своими сестрами. Я хочу познакомить своих друзей друг с другом.

Шарлотта слабо улыбнулась. Как замечательно! Просто чудесно. Раф считает ее своим другом. Своим другом детства. *Чарли*. Ощущая некоторую озабоченность своим новым статусом, всеми обязанностями по отношению к слугам, в отсутствие Эммелины, и даже не узнав своих сестер, он, возможно, чувствует, что Шарлотта удобна сейчас для него, как пара старых носков.

А что же Шарлотта? Что ощущала она, когда думала о нем? Она не знала. Она любила Рафа таким, каким он был; в детстве она любила юношу – таким, каким он был тогда. Что она может знать о том Рафе, каким он стал сейчас?

Он считал ее своим другом, по-дружески держал за руку. Захочет ли он когда-либо большего? И что ей тогда делать? Сказать ему правду? Но как он тогда посмотрит на нее своими опасными глазами?

Сдерживая дрожь, она последовала за ним в вестибюль.

Глава 2

Раф тащил Шарлотту за собой, спеша увидеть капитана Свейна Фитцджеральда. Фитца поддерживали двое слуг, его нога, с прибинтованной шиной, выглядела неуклюже, когда он старался не касаться ею мраморного пола.

– Вот, наконец, и ты! – рявкнул Фитц, увидев Рафа. – Хоть один из этих кретинов понимает по-английски? Где мои костыли? Никто не несет мне эти проклятые костыли! Они продолжают твердить, что его чертова светлость требует, чтобы меня носили на руках. Тьфу ты, Раф, меня не должны таскать повсюду, словно жалкого сосунка!

– Грейсон, будьте добры, посмотрите, где костыли, – сказал Раф, отпуская руку Шарлотты, чтобы поддержать друга. – Кто ведет себя как ребенок, с тем и обращаются как с ребенком. Почему тебя так раздражает, что тебе хотят помочь? Или ты собираешься ползти по лестнице в свою постель?

– В постель? Ох, нет, Раф Дотри. Я не позволю, чтобы меня уносили в какую-то постель, как больного, что бы там ни говорил этот твой модный лондонский хирург. Я в порядке, даже больше, чем в порядке, и вполне могу позаботиться о себе. Только дай мне эти треклятые... *О, привет, юная леди!*

Раф ухмыльнулся: тон его друга внезапно изменился.

– Да, Фитц, леди, – в отличие от женщин твоего сорта. Веди себя прилично, лохматая ирландская деревенщина, и я представлю тебя ей.

– Милая крошка. Одна из твоих сестер-близняшек? – прошептал Фитц в самое ухо Рафа. – Могу я поволочиться за ней?

– В зависимости от твоих планов. У тебя честные намерения?

– За все мои двадцать шесть лет они еще не были честными, – по-прежнему шепотом ответил Фитц.

– Между прочим, я все слышу, – сказала Шарлотта, стоя в дверях между вестибюлем и залом. – Слышу вас обоих.

Фитц в панике взглянул на Рафа:

– Она не может слышать меня. Скажи, ведь не может?

– Сожалею, Фитц, однако может, – рассмеялся Раф, глядя на испуганное лицо друга. Вот разве что Шарлотта удивила его. Впрочем, она не переставала изумлять его с тех пор, как он ее увидел. Ее редкая привлекательность, дерзкий язык, насмешливо почтительное отношение к титулу Рафа, который явно не производил на нее особого впечатления... Эта девушка чрезвычайно заинтриговала его.

Шарлотта направилась к улыбающемуся Фитцу. Остановившись всего в нескольких шагах, она смерила его взглядом, как бы оценивая серьезность травмы, и рассмеялась, глядя ему в лицо:

– Не думаю, что вы сможете *волочиться* куда-либо в ближайшее время, капитан.

– Фитц, мадам. С вашего позволения. И я приношу вам свои искренние извинения. Я имел счастье быть в обществе настоящей леди много лет назад, но никогда не находился в присутствии женщины настолько очаровательной.

– Вы мне льстите, капитан. – Шарлотта присела в легком реверансе. – Мне следует быть весьма осторожной, иначе красноречивый повеса, наподобие вас, может разбить мое девичье сердце.

Раф расхохотался, забывшись настолько, что крепко хлопнул друга по спине, и тот едва не свалился на пол.

– Ох, прости, Фитц. Я не хотел сбить тебя с твоей единственной здоровой ноги. Тем более что мисс Сиверс уже проделала это со мной. Мисс Шарлотта Сиверс, позвольте мне,

хотя и с опозданием, представить вас моему другу, капитану Свейну Фитцджеральду. Фитц, поклонись Чарли.

– Здравствуйте, Фитц, – сказала Шарлотта. – Приятно с вами познакомиться. – И добавила, бросив быстрый взгляд на Рафа: – Так как здесь, в деревне, мы в довольно неофициальной обстановке, то, пожалуйста, называйте меня Шарлоттой.

– Так это твоя Чарли, да? Ты наверняка был большим недотепой в юности, мой друг, если не видел, какой восхитительный образец совершенства твоя Чарли. Не понимаю, как ты мог оставить ее.

Раф взглянул на Шарлотту, которая тут же отвела взгляд.

– Ага! Теперь я рассердил его и вогнал вас в краску, мисс Сиверс? Я прошу прощения, Шарлотта, и считаю честью для себя познакомиться с вами.

Фитц посмотрел в сторону входной двери.

– О, а вот и мои костыли! Будьте любезны, передайте мне их.

– Нет! – предупредил Раф приближающегося слугу. – Держите их подальше, иначе мой друг разнесет меня в щепки, когда услышит то, что я скажу. Я послал за твоими костылями, Фитц, только чтобы ты заткнулся. Грейсон, распорядитесь, чтобы их спрятали подальше, а капитана Фитцджеральда отнесли наверх в его спальню.

– Чтоб ты сквозь землю провалился, Раф Дотри! Я не позволю себя нести!

– Прекрасно! Тогда тебя потащат. Но так или иначе, ты отправишься наверх.

– Черта с два... простите, Шарлотта. – Фитц быстро отвесил девушке легкий поклон.

– Не обращайтесь на меня внимания, Фитц, – улыбнулась ему Шарлотта (без сомнения, со злорадством, как показалось Рафу). – Мне давно не доводилось слышать хорошей перепалки.

Раф надеялся, что его друг наконец прислушается к голосу разума.

– Фитц, ты знаешь, что сказал доктор. Я бы оставил тебя в Лондоне, если б ты не поклялся жизнью своей матери, что будешь следовать всем его указаниям, как только мы приедем сюда.

– И не дурак ли ты, что поверил мне? Я не буду этого делать, Раф. Изнывать от безделья, лежа в кровати целых два месяца? Доктор спятил.

Раф жестом указал слугам – теперь их было уже четверо:

– Возьмите его, пожалуйста.

– Нет! Раф! Я тебя предупреждаю! Позволь мне, я сам! Слышишь ты, жалкий...

Раф наблюдал, как слуги тащат Фитца по витой лестнице, покачивая головой, когда тот проклинал то его, то слуг, замолкая, как только боль вынуждала его смириться с неизбежностью.

– Бедняга, – сказала Шарлотта. – Что с ним случилось?

– Надеюсь, Фитц сам расскажет тебе. Он попал в интересную историю на прошлой неделе. Думаю, последняя версия – нечто вроде того, что он получил увечье, спасая ребенка... нет, двух детей и их няньку, когда лошадь понесла экипаж. Наш храбрый капитан почти герой.

– Но ведь это не так?

Раф снова взял Шарлотту под руку, решив возвратиться в главный зал, но затем вспомнил, что сестры все еще там, и повел ее в дальние комнаты.

– Он так спешил снова ступить на твердую землю после штормового плавания, что, сбегая по сходням, поскользнулся на пристани и перелетел через ограждение.

– Какое унижение! Но я буду свято хранить его тайну. Не хочешь ли возвратиться в зал?

– Я бы предпочел возвратиться на Эльбу и немного поскучать, – честно признался Раф. – Я чувствую себя здесь так, будто посягаю на то, что мне не принадлежит. И, откро-

венно говоря, мои сестры пугают меня до онемения. Я не должен признаваться в этом, но женщины несколько нервируют меня, ведь я столько лет был лишен светского общества.

– Я нервирую тебя, Раф? – спросила Шарлотта, когда он открыл дверь и они вошли в кабинет покойного дяди. Теперь это *его* кабинет. Хотя ему пришлось справиться с чувством, что, прежде чем войти в эту дверь, он должен постучать и попросить разрешения.

– Нервируешь ли ты меня? Если честно, все и всё здесь заставляет меня хотеть лишь одного: снова оказаться на хорошей войне.

– Что ж, прости, но здесь никто не воюет. Я дам тебе пару минут, чтобы ты освоился, – спокойно сказала Шарлотта. – На самом деле тут почти ничего не изменилось.

Он проследил за Шарлоттой взглядом, когда она сделала вид, что интересуется книгами на одной из полок, и ему вспомнилась девочка, которая гонялась за ним, Джорджем и Гарольдом, но в присутствии других делала вид, что не замечает их. Она была таким забавным созданием. Слишком высокая для девочки, худая, как вешалка, руки-ноги длинные... У нее была такая копна волос, что ему не раз приходилось выпутывать их из ветвей деревьев, когда она пыталась догнать их в то время, как они мчались через лес в деревню. Она была несносной. На восемь лет младше Джорджа, на шесть младше Гарольда и на четыре – моложе Рафа. И к тому же девушка. Но на самом деле ребенок: ей было пятнадцать в тот день, когда он, девятнадцатилетний, уехал, чтобы получить офицерский чин.

Он не узнал ее там, на подъездной дороге. Она была все такой же высокой, по-прежнему тонкой, но вся ее фигура приобрела изящную округлость. Непокорная копна черных волос, похоже, наконец была укрощена, в основном безжалостно зачесана назад, открывая лицо; часть локонов свободно ниспадала на спину. Ее волосы выглядели... причесанными.

Ее мягкие карие глаза все те же, время не изменило их... в отличие от его: иногда он ловил напряженный тревожный взгляд своих глаз в зеркале во время бритья. Ему нравился ее нос, прямой и как-то дерзко вздернутый, и по-детски беззащитные пухлые губы.

На самом деле, как только она начинала говорить, Раф видел перед собой ту Чарли, которую он помнил. Чарли всегда говорила то, что думала, и никогда не льстила. Он помнил, что ему нравилась эта ее черта, даже когда он обдумывал, как бы улизнуть от нее.

Но сейчас он не собирался избегать ее. Пожалуй, напротив.

Она считала, что была влюблена в него тогда, шесть лет назад. Смушает ли ее это сейчас? Она посмеялась, вспомнив об этом, когда они встретились на дороге, но полной уверенности у него не было. Насколько он может сейчас произвести на нее впечатление? Он уже не тот зеленый юнец, что прежде, и не обольщается по поводу своей *привлекательности*.

Куда же подевалась за все эти годы невинная юношеская влюбленность? Был ли он сейчас действительно герцогом, тот Раф, которого он оставил в прошлом? Была ли она на самом деле сейчас Шарлоттой, повзрослев и оставив Чарли далеко в своем детстве?

Сейчас они были чужими. Незнакомцами, которые когда-то считали, что знают друг друга очень хорошо...

– Раф! Я задала тебе вопрос.

Он стоял посреди большой, обшитой темными панелями комнаты, в которой много раз выслушивал выговоры от своего дяди, опасавшегося, что характер Рафа мог стать таким же испорченным, как и у его взбалмошной матери.

– Прости, Шарлотта. – Раф слегка покачал головой, на ходу пытаясь придумать, как объяснить причину своего молчания. – Я вспомнил, как однажды отколотил Джорджа за то, что он обозвал мою мать разодетой шлюхой. Дядюшка Чарлтон предупредил меня, что я могу быть ростом выше Джорджа или Гарольда, сильнее их и даже умнее, но никогда не стану больше, чем тот, кто я есть, и потому должен знать свое место.

Шарлотта уселась в одно из больших кожаных кресел у камина.

– Но он умер, Раф. Они умерли, все трое. И ты действительно занимаешь то положение, о котором никто никогда и помыслить не мог. Ты чувствуешь, что тебе нужно доказывать что-то, или ты потрясен?

Да, это была его Чарли. Больше никто не осмелился бы задать ему этот вопрос, спросить четырнадцатого герцога Ашерстского, не испытывает ли он неудобства в связи с этим титулом. Даже Грейсон, который никогда не был в особом восторге от Рафа, не осмелился бы заговорить об этом.

Улыбнувшись Шарлотте, Раф подошел к дядюшкиному столу и присел на его край.

– Как я выгляжу, Чарли? Я похож на герцога?

Она покачала головой:

– Не могу сказать. Сядь в его кресло у стола. Сядь в *свое* кресло. Оно твое, ты знаешь. Твое, а когда-ни будь будет принадлежать твоему сыну, а затем его сыну. Ты – герцог Ашерст.

– Дядя Чарлтон наверняка думал почти то же о своих сыновьях, – сказал Раф, обойдя вокруг стола и осторожно усаживаясь в большое кожаное кресло. – Джордж и Гарольд никогда не уходили на войну, никогда не рисковали жизнью и здоровьем ради нашего короля. Но тем не менее я здесь, а их больше нет. Это судьба, как ты думаешь, Чарли? Или я просто случайный герцог?

Шарлотта подалась вперед, сжав руки на коленях, и спокойно спросила:

– Могу я сказать тебе кое-что?

– Пожалуйста.

Раф откинулся на спинку кресла, от всей души надеясь, что не делит его с призраком дядюшки.

– Ты осел, Раф. – Шарлотта снова выпрямилась.

Раф невольно улыбнулся:

– Ну и словечко, прошу прощения!

– Так и есть. Ты – герцог. Это твой титул, *все* титулы – твои. У тебя было несколько долгих месяцев, чтобы привыкнуть к этому неоспоримому факту. Это твой кабинет. Этот огромный дом – твой. Земли и фермы, лес и мельницы, и все остальное здесь – твое. Яхта Джорджа тоже принадлежала бы тебе, если б не затонула. Кстати, и состояние тоже твое. Изрядное состояние, более чем изрядное. Итак, не кажется ли тебе, что давно пора прекратить игру в благодарного бедного родственника или человека, недостойного находиться здесь, и начать *вести себя как подобает* герцогу?

– Ну, я...

– Не дразни Грейсона, или ты рискуешь отдать власть в его руки, – продолжала она, не обращая внимания на его попытки что-то сказать. – Я знаю, твой приезд оказался неожиданным, но ты уже более часа в своем доме, а мажордом все еще не собрал слуг в вестибюле, чтобы приветствовать хозяина.

– Я не нуждаюсь...

– Нет, ты должен! Слуги подчинялись Грейсону целых восемь месяцев, а он не подчинялся никому. Возьмись за дело, Раф. Прими на себя ответственность. Ты был капитаном Королевской армии и наверняка знаешь, как командовать людьми, как заставить их выполнять твои приказы. Ты посылал их в бой, сражаться и, быть может, умирать за тебя.

– Управление слугами вряд ли похоже на...

– Ты так думаешь? О, ты заблуждаешься. Грейсон почти запугал миссис Пиггл – твою экономку, и слуги заняли разные стороны. Ашерст-Холл превратился в военный лагерь после смерти дяди, я клянусь в этом. Ты должен проявить твердость, сегодня же, или готовься к бунту.

– Ты серьезно? Эммелина, несомненно, распоряжалась здесь всем. Не могу представить, чтобы Грейсон или кто-то еще игнорировал ее.

Шарлотта, не сводившая с него взгляда, слегка отвела глаза, потупившись.

– Она... Твоя тетя была в трауре.

– Да, разумеется. А затем она вышла замуж. Я понимаю, почему она не могла уделять слишком много внимания домашним делам.

– Точно! – воскликнула Шарлотта, подхватив его слова на лету. – О... да, именно так. В любом случае тебя должно беспокоить лишь то, что тебе необходимо предпринять, чтобы привести дела в порядок. Кроме того, Эммелина не возвратится сюда сейчас, ведь она теперь герцогиня Уоррингтон и скоро подарит его светлости наследника.

Раф с удивлением посмотрел на нее:

– Неужели? Она ничего не писала мне об этом.

– Но... ах... она бы и не стала, наверное. – Шарлотта снова отвела взгляд. – Возможно, она не хочет говорить о чем-то настолько личном с мужчиной? Я только сегодня получила письмо, в котором она сообщает эту радостную новость. – Она слегка наклонила голову. – Близнецы тем более об этом не знают.

– Да, и снова о близнецах. Они еще не вполне выросли, но уже и не дети. Ты собираешься сказать мне, что я и в этом плохо разбираюсь?

– Мог бы и лучше, – пожала плечами Шарлотта. – Мне бы хотелось, чтобы Лидия была немного бодрее. А Николь чуть скромнее. С Лидией у тебя не будет проблем, Раф.

– А с Николь?

Шарлотта глубоко вздохнула.

– Как ты сам понимаешь, тебе придется держать ее в руках.

– В самом деле? И как ты держишь ее в руках, если Эммелина поручила тебе следить за ними?

– Я просто стараюсь думать обо всем, чего Николь не следует делать, и предполагаю, чем она займется. План, боюсь, безупречный, так как я обнаружила, что мой ум и наполовину не так изощрен, как ее.

– Это немного настораживает, учитывая, что ты обычно мало чего не решалась попробовать. Насколько я помню, ты всегда попадала в переделки и выпутывалась разве что чудом. Временами, насколько я помню, мне казалось, что ты катишься в пропасть.

– Мне так и говорили, – довольно сдержанно произнесла Шарлотта, поднимаясь с кресла и явно прерывая разговор. – Я позвоню Грейсону? Ты должен поставить этого человека на место, и промедление лишь еще больше повредит тебе.

– Я сделаю это, – сказал Раф, также поднимаясь. – Хотя, возможно, мне следовало бы переодеться, прежде чем я пройду перед строем слуг, заложив руки за спину и торжественно принимая их поклоны и реверансы. О господи, Шарлотта, ты ведь знаешь: в какой-то момент я рассмеюсь и все испорчу.

– Возьми булавку в эти свои заложенные за спину руки и, когда почувствуешь, что собираешься хихикнуть, как это не подобает герцогу, просто уколи себя, – предложила она, уже направляясь к двери.

– Булавку? Конечно. Что бы я делал без тебя, Чарли?

Подойдя к двери, она приостановилась на мгновение, чтобы взглянуть ему в лицо. Наконец она улыбнулась в ответ после паузы, которая явно показалась ему неловкой, хотя он и не знал почему.

– Продолжайте называть меня Чарли, ваша светлость, и, вероятно, поймете.

Раф громко рассмеялся, глядя, как она уходит, выпалив напоследок эту великолепную тираду, и покачал головой, удивляясь, отчего он внезапно почувствовал себя снова таким одиноким.

Выждав несколько минут, он последовал за ней, надеясь, что Финеас уже распорядился приготовить ванну и распаковать наконец для него смену белья.

Поднимаясь по лестнице, Раф продолжал разглядывать свой новый дом, в котором ему в течение многих лет временами приходилось жить – но только как сыну своего отца, бедному родственнику, в очередной раз отправленному сюда своей взбалмошной матерью.

С ним все будет в порядке, все будет прекрасно через несколько дней. Ему просто нужно привыкнуть к новым обстоятельствам, вот и все.

Слава богу, что ему повезло встретить здесь своего доброго старого друга, Чарли... нет, *Шарлотту*. Помимо Фитца, вышедшего сейчас из строя, она была его единственным другом.

Глава 3

Шарлотта ускорила шаг на последних ступеньках лестницы и повернула направо по коридору, направляясь к спальне Николь. В очередной раз подавив мысли о Рафе, она была сейчас нацелена на выполнение своей «боевой задачи».

Подойдя к двери, она, не постучав, толкнула ее, вошла в комнату и захлопнула дверь за собой.

– Ах, ты!..

Леди Николь Дотри, сидевшая за туалетным столиком, улыбнулась в зеркало, продолжая расчесывать свои длинные черные волосы.

– Еще раз здравствуй, Шарлотта. Прими мои поздравления.

Шарлотта прошагала через большую розово-белую спальню. Ее шаги сильно заглушали роскошные абиссинские ковры.

– Поздравления с чем, Николь? С тем, что я до сих пор тебя не удавила?

– Конечно. Ах да, и еще... – Николь повернулась на скамеечке, обтянутой атласом. – Как тебе удалось раскрыть нашу маленькую хитрость? Я поняла это сразу, как только увидела тебя. Я где-то допустила оплошность? Мой брат что-то сказал тебе? Не представляю, как еще ты могла узнать.

– И я не представляю, как тебе удавалось так подло лгать все это время. – Забрав у Николь серебряную щетку для волос, Шарлотта не слишком уж бережно провела ею по волосам девушки. – Ты обманывала не только свою тетю и брата, но и меня.

– Именно это тебя раздражает? – спросила Николь, поморщившись, когда щетка наткнулась на узел спутанных волос.

– Учитывая, что я была здесь единственной, кто читал письма, – да, раздражает. Почему ты не рассказала мне, чем ты занималась? Я бы помогла тебе.

Произнося эти слова, Шарлотта поняла, что она действительно должна была бы помогать Николь и Лидии в их грандиозном мошенничестве. В конце концов, Эмелина заслужила свое счастье и душевный покой, а Раф явно желал, как это было перед смертью дяди, сопровождать Бонапарта в изгнание и нести службу по его охране. Тогда все не выглядело бы так, словно близнецов бросили без присмотра где-нибудь в пещере.

Николь запрокинула голову и улыбнулась Шарлотте.

– Да, думаю, ты могла бы помочь, но Лидия не согласилась бы.

Шарлотта толкнула ее голову вперед.

– Лжешь. Лидию, как мы обе знаем, можно убедить во всем, когда ты сочиняешь несусветные истории. Признайся, Николь, ведь это именно ты решила скрыть от меня свою авантюру. Тебе пришлось проводить не один час, сочиняя эти фальшивые письма. Я могла бы помочь. И наверняка я смогла бы поправить твое ужасное правописание.

– В таком случае приношу глубокие извинения. Лидия, со своим вечным упрямством, лишь согласилась с планом, но при условии, что ей не придется сочинять эти письма. Ты не собираешься рассказать об этом тете Эмелине?

– Нет. Сегодня утром я получила от нее письмо. Она ждет прибавления семейства. Они с герцогом уже возвратились в его имение, и она не будет больше путешествовать, пока не родится ребенок. Не стоит расстраивать ее.

– У Эмми будет ребенок? Как замечательно!

Вскочив, Николь крепко обняла Шарлотту, но тут же отпрянула и нахмурилась:

– Нет, постой. Вовсе не замечательно. Кто же представит нас с Лидией будущей весной, когда мы поедем в Лондон на сезон?

– Ты не поедешь в Лондон на сезон, негодная девчонка! Тебе только шестнадцать.

– В следующем месяце уже семнадцать, – напомнила Николь. – Луиза Мэдисон поехала на свой первый сезон, когда ей было семнадцать.

– Да, и вернулась домой через три недели, опозоренная и изгнанная из общества, потому что оказалась настолько глупа, что позволила офицеру с половинным жалованьем поцеловать себя в саду леди Каслри. Ты хочешь, чтобы тебя срочно выдали замуж за третьего сына викария?

Николь пожала плечами:

– Луиза всегда была глупа. Я никогда не стану целоваться с офицером, у которого половинное жалованье. Я даже не снизойду до того, чтобы танцевать с тем, у кого титул ниже графского.

Шарлотта закатила глаза.

– Я уверена, что твой брат услышит это с огромным облегчением. Но ты не поедешь. Ты слишком молода, и здесь нет никого, кто бы мог вывезти тебя в свет.

– Есть ты, – улыбнулась Николь Шарлотте.

– Вряд ли это могу быть я. Прежде всего, я слишком молода для компаньонки, и меня точно упрячут в сумасшедший дом, если я дольше чем на пять минут задумаюсь о том, как заставить тебя прилично вести себя. Я серьезно, Николь. Перестань улыбаться. И не гляди на меня так. Постой... ты куда? Что ты задумала?

Николь была уже на полпути к двери, ее распущенные волосы ниспадали до середины спины.

– Ну, – сказала она, резко повернувшись, чтобы взглянуть на Шарлотту, – думаю, что все должно быть ясно. Я сижу здесь, истрепав все нервы, в ужасе от того, что сделала. Обманула свою дорогую тетю, любимого брата. Больше делать нечего. Я должна пойти к нему немедленно и покаяться в своих грехах.

– Ты гадкая маленькая... Не смей!

– Но, Шарлотта, ты должна понимать, что нечестно держать бедного Рафа в подобном неведении. То есть, конечно, ты тоже совершенно ничего не знала все эти долгие месяцы, но все же... Полностью одураченная двумя девчонками, едва покинувшими детскую... О, дорогая, что же Раф подумает о тебе, когда все узнает? – комично нахмурилась Николь.

– Пожалуй, меня не волнует, что он подумает, – произнесла Шарлотта, надеясь, что это не прозвучало так, словно она оправдывается.

– Фи! – как сказала бы миссис Бизли. Конечно, волнует. Всем известно, что ты всегда была влюблена в него. Ведь ты все еще носишь иногда этот его жалкий старый шарф. Я понимаю тебя. Совсем как в бульварном романе, как говорит миссис Бизли.

Шарлотта открыла рот, чтобы возразить, но поняла, что уже проиграла.

– О, замечательно! Да, возможно, я думала, что влюблена в него. Но это было давно. А сейчас я просто не хочу, чтобы он считал меня полной идиоткой. Что тебе от меня нужно? Я не могу быть твоей компаньонкой. Возможно, я и старая дева, но тебе нужен тот, кто занимает более высокое положение и по крайней мере в два раза более осведомленный, как именно вы с Лидией должны себя вести. Вы сестры герцога, не забывай об этом. Я-то всегда была одной из сотен куда менее знатных девушек. Таких, как я, никогда не приглашали в Олмак, им позволяли участвовать только в самых скромных собраниях... ох, поверить не могу, что гожусь на что-либо подобное!

Николь возвратилась к туалетному столику, открыла средний верхний ящик и извлекла свернутый лист бумаги.

– Вот. Вот список всех наших родственников. Я переписала его несколько недель назад, так как всегда разумно быть готовой к тому, что планы могут измениться в последнюю минуту. Лидия научила меня этому. Одним словом, это все, что осталось, – ну, здесь только женщины. Раф единственный джентльмен среди них со стороны нашего отца. И бог знает,

сможем ли мы обратиться к маминой семье. Все они либо моты, либо погрязли в карточной игре.

– Да нет же, – произнесла Шарлотта, разворачивая бумагу. – Кто тебе сказал это?

– Мама, – тут же ответила Николь. – Она должна знать, не так ли?

– Надеюсь, – сказала Шарлотта, читая короткий список имен. – Где ты взяла этот список?

– Я выписала его из фамильной Библии в кабинете дяди Чарлтона... то есть Рафа.

– Тогда это все объясняет. Маргарет, единственная сестра твоего деда, живет в Шотландии и считает себя больной. Она никогда не путешествует. Помню, Эммелина рассказывала мне об этом, когда готовила памятный список для твоего дяди и кузенов.

– Но ее имя не единственное там, – с надеждой произнесла Николь.

– Что касается второго имени, Ирэн Мердоч. Ты, случайно, не помнишь это бесцеремонное создание? Она жила здесь три дня, сидела в главном зале, держа на пышных коленях блюдо с засахаренными фруктами, постоянно пополнявшееся, и рассказывала всем, кто мог слышать, как ей всегда нравилась гранатовая брошь твоей покойной тетки и что она не сомневается, что Эммелина подарит ей ее на память.

– Эта свинья?! Это и есть кузина Ирэн? О нет! Только не она. – Николь наклонилась ближе, чтобы взглянуть на список. – Кто там еще остался?

– Учítывая, что я прежде говорила тебе, что твоя тетя Мэрион умерла более тридцати лет назад, могу сказать, что осталась... – Шарлотта саркастично улыбнулась, – только твоя мама, чтобы вывести в свет тебя и Лидию.

– Мама! – Фиалковые глаза Николь удивленно раскрылись. – Но ведь ты сказала, что нам нужен кто-то респектабельный. Сейчас она снова ищет себе очередного мужа и наверняка положит глаз на любого, кто обратит внимание на меня или на Лидию. Это будет катастрофа.

– Думаю, ты права, – с некоторой иронией произнесла Шарлотта. – Но ведь можно посмотреть на все иначе. Раф – герцог и теперь обязан обзавестись собственной детской комнатой, как это сделали герцог Уоррингтон и Эммелина. Дай ему год, и он найдет себе прекрасную герцогиню, которая не замедлит вывезти вас обеих в свет. Ведь любая женщина, имеющая хоть каплю рассудка, должна побеспокоиться, чтобы вы с Лидией уехали из Ашерст-Холл – и, думаю, прежде всего это касается тебя.

Шарлотта ощутила, как у нее внезапно заныло в груди, но постаралась не обращать на это внимания.

Николь взяла лист бумаги, разорвала его пополам и стала мерить шагами комнату.

– Герцогиня. Рафу нужна герцогиня. Да, разумеется. И Лидия не настолько готова к своему выезду, как мне хотелось бы, – продолжила она, явно говоря это самой себе. – Я выйду замуж, а она останется в старых девах, как несчастная Шарлотта. Хорошая сестра не допустит этого, Лидия не должна пропасть без меня...

Шарлотта пристально глядела на нее, скрестив руки на груди и постукивая по полу носком башмака.

– Между прочим, я все слышу, Николь.

– Что? – улыбнулась ей Николь. – Извини, Шарлотта. Погоди минуту. А как в отношении тебя? Почему бы тебе не выйти замуж за Рафа? Он не уродлив и очень богат. И похоже, ты ему нравишься. А так как ты уже знаешь Лидию и меня и признаешь, что, по крайней мере, раньше он тебе нравился, мы не будем... ну, мы не будем мешать тебе, как могли бы помешать кому-нибудь чужому.

Шарлотта опустила взгляд.

– Ты не можешь планировать чью-то жизнь подобным образом, Николь. Раф женится, когда захочет.

– Почему? Люди женятся по многим причинам. Тетя Эммелина рассказывала нам, что твой папа выбрал...

– Я передумала, Николь, – быстро прервала ее Шарлотта, моргая, чтобы сдержать подступившие слезы. – Иди расскажи ему. Расскажи Рафу, что ты сделала, сними грех с души, даже если мне придется затем признаться ему, что я солгала, что Эммелины не было здесь все эти полгода или больше, что я на самом деле не жила здесь, как ваша компаньонка, что вы полностью одурачили меня. Расскажи ему все это.

У Николь вытянулось лицо.

– Я чем-то расстроила тебя? Извини, Шарлотта. Я грубая и эгоистичная и всегда думаю только о себе. Я просто имею в виду, что вы с Рафом подошли бы друг другу, ведь вы так хорошо знаете друг друга. И это было бы так просто, ведь мы уже друзья... и ты сказала ему, что живешь здесь с нами. Ты сказала это там, внизу, разве не так?

У Шарлотты перехватило дыхание.

– О господи, я и вправду это сказала? Как я могла забыть об этой лжи?

Николь погрозила пальцем Шарлотте:

– Ты думаешь, было легко сочинять всякие истории, запоминая все маленькие выдумки? Я считаю умение лгать талантом, которого ты явно лишена. Итак, что теперь, Шарлотта? Попросим Грейсона послать кого-то подобрать тебе одежду? Через час обед, и ты вряд ли можешь спуститься вниз в этом жалком платье.

– Что не так с моим платьем? – Шарлотта оглядела свое простое серое платье, которое носила уже несколько сезонов.

– Ну, дорогая, если ты не понимаешь этого, то я соглашусь с тобой. Тебе нельзя поручить выбор нового гардероба для нас с Лидией, когда мы будем в Лондоне.

– Я все еще не понимаю, почему ты считаешь, что твой брат согласится взять тебя с собой в Лондон?

– Не понимаешь? Мы сейчас откажемся от сезона, так как я способна прислушаться к голосу разума. Но мы *должны* по крайней мере поехать в Лондон весной с Рафом. Наверняка ты понимаешь это. Всю жизнь мы просидели взаперти здесь или в Уиллоубруке. Через несколько недель нам исполнится семнадцать – слишком взрослый возраст, чтобы отправлять нас в детскую еще на год теперь, когда мы уже полгода, а то и больше наслаждались свободой. Представь, что я натворю, если останусь здесь со своими затеями, когда Раф уедет весной в Лондон.

– Лучше бы меня переехало почтовой каретой!

– Вот именно! Найдем компромисс, Шарлотта. Ты можешь сопровождать нас как друг и почти член семьи.

– Ты играешь с огнем, Николь, – предупредила ее Шарлотта, устав от ее затей. – Я все еще могу рассказать Рафу правду, и вы с Лидией никогда не покинете эту спальню, не говоря уже о Лондоне.

Николь крепко обняла ее.

– Пожалуйста, прости меня, я так виновата! Мы не должны ссориться, если не хотим, чтобы нас разоблачили.

– К сожалению, ты права. И это означает, что нам придется подкупить Грейсона, чтобы он послал кого-то в коттедж «Роза» вместе со мной за моими вещами и мы могли бы притвориться, будто я жила здесь с тобой эти последние недели. Сколько у тебя карманных денег?

– У меня? Я потратила все в деревне за последнюю неделю. Разве ты не видела мою новую мантилью? Но Лидия хранит свои денежки, словно скряга. У нее не меньше восьми фунтов в ридикюле, который она прячет на дне ящика своего комода. Было десять, но я купила не только мантилью. Миссис Хэлбрук заверила меня, что эти прелестные желтые

лайковые домашние туфли привезли прямо из Лондона, я просто *должна была* приобрести их.

– Ты берешь деньги взаймы у своей сестры? Или просто берешь их?

– О, только не нужно стыдить меня, – улыбнулась Николь. – Я все верну в следующем квартале, и она даже не узнает. Все равно она тратит деньги только на книги.

– Ты невыносима.

– Я знаю. – Николь опустила голову. – Лидия дала бы мне эти два фунта, но почему-то гораздо приятней было незаметно проскользнуть в ее комнату и... ну, я больше никогда не поступлю так с моей дорогой сестрой, обещаю. Думаю, мне досталось все дурное, а Лидии – все доброе. Если я собираюсь дебютировать в Мейфэре⁴, мне следует постараться исправиться.

– Да, следует, – согласилась Шарлотта, не слишком на это надеясь. – Начни прямо завтра, с утра пораньше. А теперь принеси мне эти восемь фунтов, и я поговорю с Грейсоном.

Спустя пять минут Шарлотта вышла в коридор с восемью фунтами в кармане и остановилась, прислонившись к закрытой двери. В своем ли она уме? Только глупец мог бы счесть, что этот фарс сойдет ей с рук.

В сущности, на ее стороне было лишь одно: презрительная уверенность Грейсона, что Раф – неприемлемый герцог. А если она найдет правильный подход к дворецкому, сумеет убедить его, что ему поневоле пришлось служить новому хозяину? Да, тогда Грейсон может пойти навстречу.

Она чувствовала себя ужасно из-за того, что не рассказала Рафу правду о том, что вытворяли его сестры.

Но в каких целях? Сейчас Раф, похоже, действительно потерял почву под ногами, но она была уверена, что со временем он полностью освоится. Нет никаких причин расстраивать его: в конце концов, с близнецами все прекрасно, их репутация сохранена, и дом не сгорел из-за всех их проделок.

Кроме того, если рассказать обо всем Рафу, то об этом узнает и Эммелина, чего Шарлотта совершенно не хотела бы: ведь она только что вышла замуж и сейчас ожидает ребенка.

– Ну, убедила себя? – тихо пробормотала Шарлотта.

Она решила, что убедила, и главной причиной была мысль, что Раф не должен узнать правду не только потому, что она будет выглядеть лгуньей, но и оттого, что сочтет ее самой бестолковой женщиной на свете, не разглядевшей ложь Николь и Лидии. Собираясь отыскать Грейсона, она направилась к лестнице.

На верхней площадке она остановилась, увидев, что внизу, в вестибюле, полно горничных, лакеев, кухарок и их помощниц... и там находился Раф.

Присев, чтобы ее не заметили, она наблюдала сквозь стойки перил, как в сопровождении чопорного Грейсона новый герцог, заложив руки за спину – она это отметила! – обходил выстроившихся полукругом слуг Ашерст-Холл, кивком выражая свое расположение при каждом представлении, каждом поклоне, каждом реверансе.

Раф выглядел великолепно в своей элегантной лондонской одежде. Его темные волосы, все еще слегка влажные, блестели в свете большого канделябра: он смыл с себя дорожную пыль, пока она оставалась наедине с Николь.

Шарлотта снова сморгнула слезы, когда Раф подошел к концу шеренги слуг, где, выстроившись в ряд по росту, стояли шестеро детей главного повара. Он принял торт из рук самого младшего, взъерошив мальчишке волосы, и Грейсон быстро хлопнул три раза в ладоши, отпуская слуг.

⁴ Мейфэр – фешенебельный район Лондона.

– Благодарю, Грейсон, – услышала она, как произнес Раф, когда вестибюль опустел, и осталось лишь двое слуг, снова занявших свое место у парадной двери, словно ожидая, что в любой момент, громяхая по подъездной дороге, прибудет карета принца-регента.

– Да, ваша светлость, – сказал Грейсон, протягивая руку в белой перчатке к небольшому серебряному подносу. – Я возьму это у вас, сэр.

– Черта с два! Парень дал мне это – единственный, кто предложил мне хоть немного еды с тех пор, как я приехал. Я позволял тебе выказывать недовольство, Грейсон, так как знаю, насколько верен ты был покойному герцогу. Но предупреждаю: я больше не потерплю пренебрежительного отношения ни от тебя, ни от любого обитателя Ашерст-Холл. Прислуга находится под твоим руководством, Грейсон, но ты не настолько незаменим, как тебе кажется. Сомневаюсь, что кто-либо из них захочет последовать за тобой, если... ты понимаешь, о чем я?

– Да, ваша светлость, – сказал Грейсон, поклонившись. А затем повернулся кругом и с достоинством покинул вестибюль, подняв подбородок и выпрямив, как штык, спину.

Раф оглянулся и посмотрел на Шарлотту. Его молодая искренняя улыбка изумила ее. Отломив кусок торта, он сказал:

– Все прошло хорошо, Чарли, не так ли? Мне даже не пришлось воспользоваться булавкой.

Прежде чем она успела подняться и найти, что ответить, он сунул кусок торта в рот и направился в главный зал. Шарлотта осталась на месте, не уверенная, что ноги удержат ее, если она попытается встать. Что там Николь сказала ей? Ах да: «А как в отношении тебя? Почему бы тебе не выйти замуж за Рафа? Он не уродлив и очень богат. И похоже, ты ему нравишься».

– Он мне тоже нравится, – прошептала Шарлотта, прижавшись горячей щекой к кованым железным перилам. – Очень нравится.

Глава 4

– Надеюсь, ночь прошла спокойно, – сказал Раф, подходя к постели друга и с улыбкой глядя, как Финеас орудует ножницами, старательно подравнивая рыжеватую бородку Фитца. – Как твоя нога?

Финеас последний раз щелкнул ножницами, аккуратно свернул полотенце, лежавшее на груди Фитца, и отошел в сторону.

– Он будет уверять вас, что все в порядке, ваша светлость, но слуга, которому приказано было спать рядом в гардеробной, сказал, что он всю ночь стонал во сне.

– Разве он тебя спрашивает? – Фитц резко ткнул рукой в сторону Финеаса, который легко уклонился. – Я в порядке, Раф. Просто ногу слегка растрясло в карете. А сейчас мои кости на месте. Где мои ко стыли?

– Можешь требовать сколько угодно, но ты их не получишь. – Раф осторожно присел на край широкой кровати. – У него был жар, Финеас?

– К утру почти спал, ваша светлость. Мы сняли шину, как велел врач, считая, что это должно немного помочь ему. Вам чуть легче, капитан?

– Убирайся к черту, – беззлобно пробормотал Фитц, протянув руку, чтобы потереть левое бедро. – Если б я был лошадьё, ты бы приказал пристрелить меня, и, пожалуй, оказал бы мне услугу. Сколько вы еще собираетесь держать меня здесь взаперти?

– Думаю, месяца два, как мне сказали, – ответил Раф, искренне жалея друга. – Нужно найти для тебя какое-то развлечение.

– Отлично. Предпочитаю ту хорошенькую рыжеволосую служаночку, которая приходила сегодня утром поддержать огонь в камине. Благодарю!

– Погибаем, но не сдаемся, да, Фитц? – рассмеялся Раф. Он подождал, пока Финеас выйдет из комнаты, и сказал: – На самом деле хотелось бы, чтобы ты был внизу рядом со мной. Вчера я встретился с сестрами.

– Звучит мрачно. Они похожи на лошадей?

– Вряд ли. Гораздо хуже. Откровенно говоря, пояс целомудрия неподходящий наряд для этих юных незамужних сестричек. Могу лишь благодарить Господа, что здесь находилась Чарли. Она помогла мне при первой встрече с ними.

– Ах да, очаровательная мисс Шарлотта. – Фитц пригладил свою короткую бородку. – Похоже, она сочувствует мне. Как думаешь, ее симпатия дойдет до того, чтобы навестить бедного солдата? Возможно, почитать ему стихи?

Раф нахмурился:

– Она хорошенькая, не правда ли? Это странно. Я никогда не считал Чарли привлекательной. Помню, она постоянно надоедала мне, настоящий репей. Но она была моим другом. Порой единственным другом здесь, в Ашерст-Холл.

Фитц ухмыльнулся в бороду.

– Ну что ж, твоя подруга может надоедать мне в любое удобное для нее время.

– Ты здесь всего одну ночь и уже строишь планы в отношении дам? – сказал Раф, надеясь, что эти слова прозвучали легко и беспечно.

Ему не стоило бы притворяться.

– Придерживаешь ее для себя?

– Нет, – быстро ответил Раф. Не слишком ли быстро? – Тебе известно, что ты иногда бываешь назойливым сукиным сыном?

– Да, и горжусь этим, – ответил Фитц, вполне довольный собой. – Я также горжусь тем, что способен понять намек, поэтому прекращаю дразнить тебя. Но если ты не хочешь пригласить ко мне Шарлотту, то как насчет кого-либо из твоих новых служанок? Может,

прикажешь ей принести мне несколько книг, чтобы я мог убить время? Еще лучше, если кто-то почитает их мне. Представь: я лежу в постели, звук дивного голоса Шарлотты окутывает меня, мои веки в блаженстве смыкаются, каждое ее слово – словно бальзам на мои раны... У твоего покойного дяди имелись книги?

– Разумеется, тысячи. Я не помню, чтобы кто-то в имении читал их. Однако не обещаю, что Чарли согласится. Кроме того, у тебя достаточно сил, чтобы самому держать книгу и самому читать ее.

Вставая с постели, Раф качнул матрац и заметил, как его друг поморщился.

– Возможно, завтра тебе станет легче?

– Проклятье! Надеюсь, да, – пробормотал Фитц, снова потирая бедро. – Ты никому не рассказал, как это случилось? Еще не хватало, чтобы ты бегал по дому как городской глашатай, оповещая всех, какой неуклюжий болван твой друг.

– Только Чарли. Прости, Фитц. Но она никому не скажет, если я попрошу ее. Можешь придумывать любую героическую, самую необычайную историю, какую только захочешь.

– Лошадь, которая понесла карету, не впечатляет тебя?

– На самом деле я скорее думал о французах, которых мы прогнали с Эльбы за неделю перед отъездом домой.

– Которые прибыли туда спасать своего императора, – кивнул Фитц. – Но это не я заметил их в трактире и насторожился. Я видел только их спины, когда мы гнались за ними до их баркаса. Нет, это твоя история, дружище, ведь это тебя, а не меня чуть не подстрелили, хотя я благодарю тебя за предложение. Я подумаю о чем-то еще таком же героическом. А теперь будь добр, убирайся. Раненому солдату необходим отдых.

Раф неохотно покинул спальню, понимая, что старается как можно дольше оттянуть время, встречая свой первый полный день в доме в качестве герцога.

Стоял ноябрь. Какие были обязанности у герцога в ноябре? Когда его дядя не уезжал в Лондон или на какой-нибудь загородный прием, он всегда совершал верховые прогулки или осматривал имение со своим управляющим... Вот именно, он найдет своего управляющего и отправится с ним осматривать хозяйство.

Определившись с планом, Раф возвратился в свою огромную спальню, чтобы найти Финеаса, уже приготовившего ему в гардеробной одежду для верховой езды.

– Ах, как хорошо, что мне не придется разыскивать вас по всему дому. Мисс Сиверс говорит, чтобы вы поторопились переодеться, ваша светлость. Я починил и почистил ваш дорожный плащ, но что-то нигде не могу найти чудесную новую кастановую шляпу. Ваша мисс Сиверс говорит, что попробует ее найти, потому что вам нужно надеть что-нибудь на голову в такой холод, как я понимаю. Ваша мисс Сиверс не упоминала, часом, куда вы собираетесь?

– Ох, упоминала, упоминала, – ответил Раф, ощущая необъяснимое внутреннее сопротивление диктату Чарли. Даже если она права, черт побери! – И она не моя мисс Сиверс, Финеас. И возможно, я никуда не собираюсь... Черт, помоги мне снять этот жакет.

– Женщины всегда верховодят мужчинами, когда им позволяют это, ваша светлость, – сказал Финеас, помогая высвободить широкие плечи Рафа из великолепно сшитого жакета. – Об этом предупреждал меня мой отец, когда я был еще совсем малым. Будь он нищим или королем, говорил мой отец, но рано или поздно мужчина непременно обнаружит себя под женским башмаком.

– Спасибо за то, что поделился со мной открытием своего отца, Финеас. Но я не нахожусь ни под каким женским башмаком. Я просто соглашаюсь с предложениями мисс Сиверс, потому что она более знакома с... Но почему я объясняюсь с тобой?

– Не возьму в толк, ваша светлость. – Финеас не успел достаточно быстро отвернуться, чтобы спрятать улыбку. – Пойду повешу ваш жакет на место. У вас всего три выходных костюма, пока не доставят всю эту кучу модной одежды, которую вы заказали в Лондоне.

Раф стоял перед трюмо, поправляя на плечах куртку для верховой езды. Его новый гардероб слишком отличался от военной формы, в которой он ходил, спал, делил ее с вшами и другими паразитами гораздо чаще, чем ему хотелось бы вспоминать, изнывал от жары под палящим солнцем, замерзал холодными зимами.

– Финеас! Где мой мундир?

– Вылетел в трубу, ваша светлость. – Камердинер, отряхивающий пыль с жакета, снова взял в нем верх над сыщиком с Боу-стрит. – Не мог же я пойти продать мундир королевских войск старьевщику! Чтобы потом в нем шатались по Пикадилли всякие лондонские отбросы, прикидываясь взаправдашними солдатами? Ведь он вам больше не понадобится, ваша светлость, не так ли?

– Вылетел в трубу? Его больше нет?

Раф почувствовал внезапное желание увидеть свой мундир еще раз. Мысль, несомненно, неблагоприятная. Он был частью его жизни так много лет, и Раф собирался оставаться в нем, пока тогда, в парижском трактире, не появился Финеас с поразительной новостью, изменившей всю его жизнь.

– За исключением лент, галунов и пуговиц и тому подобного – да, ваша светлость. Сэр? Ваша мисс Сиверс, весьма вероятно, ожидает вас внизу.

– Хорошо, – сказал Раф, в последний раз оглядывая себя. Он знал, что его костюм для верховой езды цвета темной бронзы будет выглядеть модно и прилично, но в нем не было ничего красного, а жаль. В красном он, по крайней мере, знал, кто он такой⁵.

Кем он был сейчас, он вообще не знал.

Едва прикоснувшись к перилам, он увидел сквозь их стойки Чарли, стоявшую в вестибюле. На ней был плотно прилегающий темно-синий жакет в гусарском стиле и юбка с запахом. Костюм дополняла треуголка, сдвинутая набок. Она ритмично постукивала носком ботинка, одновременно нетерпеливо похлопывая его шляпой о бедро.

Раф все еще не мог привыкнуть к мысли, что Чарли стала взрослой. И к тому же такой привлекательной. Он не знал, куда она собирается отправиться с ним, но рядом с ними должен находиться грум: такая красивая молодая женщина, согласно этикету, ни в коем случае не должна оставаться наедине с мужчиной.

Можно подумать, что Раф собирается воспользоваться случаем. Вовсе нет! Даже если б у него и возникла такая мысль.

– Мои извинения, Чарли! – выкрикнул он, быстро сбега по ступенькам. – Я получил твой приказ всего несколько минут назад.

Она взглянула на него, сдвинув брови:

– Мой приказ?

– Да, – сказал он, пересекая вестибюль, чтобы взять у нее свою шляпу. – Что-то о том, куда я собираюсь.

Шарлотта комично поморщилась.

– Я должна помнить, что слуги имеют несносную манеру цитировать то, что им следует выбросить из головы, и забывать то, что обязаны помнить. Прости, Раф. Но думаю, что тебе лучше не откладывать. Предлагаю начать с леса, затем осмотреть дома арендаторов, а затем мельницу. Или, может, ты хотел бы поехать в деревню?

– Мы могли бы обсудить все это прошлым вечером, если бы ты соизволила явиться к обеду.

⁵ Мундиры английских солдат и офицеров начала XIX века были красного цвета.

– Меня задержали другие дела, – сказала она, не собираясь оправдываться, хотя виновато отвела взгляд. – Мне пришлось навестить родителей и вместе с моей служанкой забрать несколько нужных вещей. Прости, я не сообразила, что ты пропадешь здесь без меня.

– И то правда, Чарли, ты попала в точку. Я обнаружил, что тебя нет, когда мне пришлось паяльничать в этот длинный стол, в то время как мои сестры подчеркнуто игнорировали меня. Николь без умолку трещала о какой-то новой шляпе с лентами, а поведение Лидии еще больше укрепило меня в мысли, что она боится меня до смерти.

– Лидия придет в себя. Она довольно замкнута. Скромница. Думаю, тебя это должно устраивать. Не забывай, они близнецы и обе могли бы быть такими, как Николь.

– Господи помилуй! – воскликнул Раф, шутливо воздевая руки. – Лидия замкнута? Это плохо, если она не такая бойкая, как окружающие ее джентльмены. Она действительно обещает стать синим чулком?

– Не совсем, но она очень серьезная молодая девушка. Девочка. Она постоянно утыкается носом в книгу и почти все время проводит в библиотеке, сидя на подоконнике с какой-нибудь новой находкой.

Раф на минуту задумался.

– Тогда она сможет подыскать для Фитца какие-нибудь книги. Он только что попросил, чтобы кто-нибудь пришел почитать ему.

– О, сомневаюсь, что Лидия когда-либо осмелится войти в мужскую спальню. Но я попрошу ее выбрать несколько книг, которые могут понравиться Фитцу, и передать их со слугой.

– Да, думаю, ты права. Я имею в виду не то, чтобы Фитц позволил себе... ведь Лидия еще ребенок... о, черт, Чарли, я не знаю, что имею в виду. Не будет ли малодушием с моей стороны признать, что я даже не представляю, как позаботиться о сестрах? Прошлым вечером, за обеденным столом, я лихорадочно соображал, что бы такое сказать, что могло бы вовлечь их в беседу. Но откуда мне знать, что может интересовать девушек их возраста?

Шарлотта взглянула на него с искренней симпатией.

– Тебя беспокоит, что они не любят тебя? О, Раф, это так мило! Не думаю, что большинство мужчин может волновать, что о них думают их две шестнадцатилетних сестры.

– Кто-то должен нести ответственность за них.

– Ответственность – да. Но ты действительно *беспокоишься*. Это так мило.

– Чарли, скажи мне еще раз, что я милый, и клянусь, я оставлю тебя здесь и пойду опустошу половину дядюшкиного винного погреба.

– Хорошо, приступим к делу. Ты встретился с прислугой здесь, но у тебя есть гораздо больше людей, чьи хлеб с маслом и крыша над головой зависят от герцога. Они должны увидеть тебя. Мистер Каммингс опытный управляющий, но твои люди слишком долго оставались без настоящего хозяина.

– Понимаешь, Шарлотта, о том, что мне нужно делать или говорить всем этим людям, я знаю не больше, чем о том, как мне справиться с Николь и Лидией. Я всего лишь солдат.

– Люди, которыми ты командовал, доверяли тебе, полагались на твои силы, решения и руководство, верили, что ты позаботишься о них, не предашь и не подвергнешь напрасной опасности. Так же поступай и с работниками в своем имении. Заботься о них, относись к ним доброжелательно, когда руководишь ими, и они будут тебе преданы.

– Послушать тебя, Чарли, так кажется все легко. Однако мы оба знаем, что все не так просто.

Лакей, которого звали Билли, как Рафу уже было известно, подал ему перчатки и стек, и они с Шарлоттой направились вниз по широким ступеням туда, где несколько слуг держали поводья их лошадей.

– Я не вижу лошади для грума.

Шарлотта искоса взглянула на него.

– Вы считаете, нам нужен сопровождающий, ваша светлость? Сейчас совсем светло, и мы поедем на лесопильню. Сомневаюсь, что за это время мы успеем особенно нагрешить.

– Ладно, забудь, – натянуто произнес Раф, почувствовав жар в затылке. – Вставай на эту чертову лошадь.

Шарлотта подождала, пока ей помогли сесть в дамское седло, и они пустили лошадей по подъездной дороге, а потом сказала:

– Я только что подумала о том, что может помочь тебе при первой встрече с твоими арендаторами. Ты помнишь, что мы в детстве научились делать, когда встречались с бешено лающей собакой?

– Помню. Не отступать и не выказывать страха. – Раф рассмеялся: – Значит, моих людей можно сравнить со злыми собаками?

Шарлотта наморщила нос. Сейчас она выглядела прелестно, но он все еще немного злился на нее, помня, как она поддразнила его при упоминании о груме.

– Думаю, это не вполне уместно. Но совет стоящий. На самом деле, Раф, рано или поздно тебе придется с этим столкнуться. Ты – законный герцог Ашерст.

– И чтобы стать им, я переступил через три трупа, – произнес он, содрогнувшись в душе, услышав собственные слова. Действительно ли он чувствовал себя так, словно посягнул на чужое? Словно вор, пляшущий на могилах своего дяди и кузенов?

Еще несколько минут они ехали молча, а затем повернули на изрытую колеями дорогу, протянувшуюся вдоль густого подлеска и деревьев, росших всего в нескольких ярдах от них по обе стороны.

Раф все время ощущал на себе взгляд Шарлотты, пока она наконец не произнесла:

– Ты знаешь, Раф, трупы так и не нашли. Эмелина заказала заупокойную службу в часовне имения, когда уже не осталось никакой надежды, но там... но в усыпальнице ничего не было. Только медные пластины на том месте, где должны были быть их могилы. Эмелина сделала все возможное.

– В письме, которое Финеас передал мне от нее, говорилось о новой яхте и шторме. Я понял, что их тела вряд ли когда-либо найдут.

– Мне жаль, но этого можно было избежать. Экипаж хотел повернуть назад, когда заметили приближающуюся грозу, но ваши кузены и дядя не согласились с капитаном. Единственный выживший человек, который продержался на воде довольно долго, пока его не подобрало проходящее судно, говорил также об изрядном количестве вина и нескольких женщинах на борту. Не леди, Раф. Просто женщины. Извини за откровенность, но Джордж был всегда немного не в себе. Могу только удивляться, почему герцог согласился на эту экскурсию.

– Возможно, ты знаешь лишь о нескольких блудницах, – сказал Раф, имея в виду, что его дядюшка всегда отличался хорошим аппетитом к женскому телу, и тем большим, чем менее респектабельными были женщины. – Наверняка Эмелине было неловко услышать об этом. А тебе – рассказывать мне.

Шарлотта пожала плечами с явно деланным равнодушием.

– Я совсем не думаю об этом. Или о них. Они умерли, так в чем вопрос?

– Возможно, хорошо бы иметь какие-то сведения. Я не знаю того, кто выжил из экипажа яхты.

– Он не был членом экипажа, Раф. Это некий мистер Хью Хобарт. Он и написал Эмелине о последних минутах затонувшей яхты. По его словам, Джорджа и Гарольда с их... гм... с их спутницами укачало, и все они были в каютах, когда огромная волна опрокинула судно. Твой дядя с мистером Хобартом находились на палубе, когда яхта запоздало повернула к берегу.

– Боже мой! Должно быть, они были в ужасе. Мы попали в шторм в Ла-Манше, когда шли сюда. Это был трофейный испанский галеон, крепкое судно, но его швыряло, как пробку. Могу представить, что мог сделать разбушевавшийся Ла-Манш с маленькой яхтой.

– Поэтому твой друг Фитц и поспешил сойти на берег. Да, последнее, что запомнил мистер Хобарт, когда пришел в себя в маленькой шлюпке, которую взяли на буксир, – это как яхта накренилась и гик⁶ с размаху ударил твоего дядю прямо в грудь и в голову. Наверняка это был смертельный удар. Сожалею, Раф.

– Да, и я тоже.

Шарлотта повернула лошадь на еще более узкую дорогу, которая, как он знал, вела к лесопилке. Ашерст-Холл находился довольно близко к Сассекс-Уилд, что делало лесное хозяйство доходным для имения. Повсюду, где рубили взрослые деревья, выращивали саженцы. Раф вспомнил, как дядя поучал Джорджа, что одна только вырубка – это жадность и недалёковидность и что за каждый посеянный в землю пенни пожнешь фунт. Это и есть путь к настоящему богатству. Покойный герцог был тяжелым человеком, но он прекрасно управлял своими землями.

– Мистера Хобарта пригласили на церемонию поминовения, но он был вынужден отказаться, так как еще не выздоровел после травм. Эммелина так хотела встретиться с ним и узнать больше о последних часах своей семьи.

– Пожалуй, я должен сам поговорить с этим джентльменом, – сказал Раф, наблюдая, как отовсюду сбегаются люди и выстраиваются вдоль дороги. – Он был, как я полагаю, другом Джорджа?

– Не знаю, тебе лучше спросить его самого. Я никогда не слышала этого имени, пока Эммелина не получила письмо и не прочитала его мне. Эммелина тоже не знала этого человека, но это ни о чем не говорит, ведь у твоих кузенов были обширные знакомства. А вот и мистер Каммингс! – Шарлотта заметила всадника, приближавшегося к ним по тропе. – Ты с ним незнаком. Твой дядя нанял его, когда мистер Уиллард уехал в Хэмпшир, чтобы провести преклонные годы со своей взрослой дочерью. Называй его Джоном.

– Да, мэм, – шутливо произнес Раф. – Однако у меня есть мысль. Не проще ли мне уволить его и нанять тебя управлять Ашерст-Холл и всей моей жизнью?

Ему показалось, что в мягких карих глазах Шарлотты что-то промелькнуло... Гнев? Нет. И вряд ли обида. Что-то другое... Но что? Вина? Нет, непохоже.

– Я только пытаюсь помочь, Раф, – сказала она.

– Да, Шарлотта, я знаю. Пожалуйста, прости меня. – Он протянул руку к ее рукам, державшим поводья. – Я бы пропал без тебя.

Она улыбнулась, но в ее прекрасных карих глазах веселья, похоже, не было.

– О, ты недолго будешь во мне нуждаться. Я абсолютно уверена, что ты способен стать прекрасным герцогом. Не забывай, Раф, что «иные рождаются великими, иные достигают величия, а иным...».

– «...а иным величие жалуется»⁷. Да, Чарли, я помню, как учил Шекспира вместе с Джорджем и Гарольдом, когда жил здесь из милости. Но я не был рожден для величия, не достиг ничего мало-мальски великого и получил этот титул, не прилагая никаких усилий.

Шарлотта в гневе округлила глаза.

– Тебе действительно нужно остановиться, Раф. Заслужили ли Джордж и Гарольд родиться теми, кем они были? Рождаются ли кто-то тем, кем он заслуживает быть? То, как мир воспринимает тебя и как ты сам воспринимаешь себя, определяет твое поведение. А

⁶ Гик – рангоутное дерево, одним концом подвижно скрепленное с нижней частью мачты парусного судна. Обычно располагается горизонтально. Служит для растягивания нижней кромки паруса.

⁷ Шекспир. «Двенадцатая ночь, или что угодно». Перевод М. Л. Лозинского.

теперь поверни свою шляпу. Так слишком видна вмятина, а это не соответствует твоему положению.

Раф запрокинул голову и весело расхохотался.

– Ты была бы первоклассным сержантом. – Он послушно поправил шляпу. – А как мои сапоги, сержант? Они в порядке?

В ответ на этот непосредственный выплеск эмоций она лишь подняла подбородок, и он услышал решительное «уффф!».

– Ваша светлость! – произнес мистер Каммингс, остановившись шагах в десяти от них и снимая шляпу. – Нам сказали ожидать вашего приезда сегодня утром. Добро пожаловать домой, сэр.

– Спасибо, Джон, – ответил Раф, подстегивая лошадь, чтобы подъехать ближе, и протягивая ему руку. – Могу я быть с тобой откровенным? Отдаюсь на твою милость. Есть ли здесь нечто такое, что тебе хотелось бы показать мне сегодня?

– Ну... мисс Сиверс могла бы... – Каммингс бросил быстрый взгляд в сторону Шарлотты, которая, как заметил Раф, тут же покачала головой. – То есть буду очень рад, ваша светлость, показать вам нашу усовершенствованную лесопилку. Мы... э-э-э... я ввел некоторые изменения с тех пор, как его светлость, к прискорбию, скончался, и число несчастных случаев снизилось более чем наполовину. Я счастлив сообщить вашей светлости, что более чем за полгода мы не потеряли ни одного пальца или руки.

Раф взглянул на Шарлотту, щеки которой слабо порозовели. Что, к черту, здесь происходило?

– Неужели, Джон? Похвально, весьма похвально. Мне бы очень хотелось увидеть эти усовершенствования.

– Тогда оставлю вас вдвоем, – сказала Шарлотта, поворачивая лошадь.

Раф перехватил поводья ее лошади. Ему необходимо было выяснить, что здесь происходило.

– О нет, пожалуйста, мисс Сиверс, я не могу позволить вам вернуться в Ашерст-Холл без сопровождения. Мне придется настаивать, чтобы вы присоединились к нам.

Она улыбнулась одними губами, пронзая его понимающим взглядом.

– Сочту за честь, ваша светлость.

Они последовали за Джоном Каммингсом к лесопилке мимо выстроившихся длинным рядом рабочих, которые размахивали в воздухе шляпами.

– Ваша светлость, добро пожаловать домой! – слышал он на всем пути вежливые и даже восторженные приветствия.

До него доносились также громкие приветствия Шарлотте: «Благослови вас Бог, мисс Сиверс!» и «Долгих вам лет, мисс Сиверс». Из хижины, судя по всему принадлежавшей смотрителю лесопилки, выбежала маленькая девочка и протянула Шарлотте букетик увядших цветов.

Приветствуя работников – *его* работников, – то и дело касаясь полей шляпы и продолжая улыбаться, Раф спросил:

– Есть здесь что-то, о чем мне необходимо знать, мисс Сиверс? Что происходило здесь за месяцы со дня смерти дяди и до моего приезда в Ашерст-Холл? Или вы предпочитаете, чтобы на каждом шагу я встречался с маленькими сюрпризами?

– О, все в порядке, Раф, – устало произнесла Шарлотта. – Эммелина вначале была погружена в свое горе, а затем... ну, затем увлеклась герцогом Уоррингтоном. Джон Каммингс хороший работник, но даже хорошие работники нуждаются в руководстве. Я оказалась... я оказалась под рукой.

– И готовый помочь. У тебя всегда был талант совать нос повсюду. Не удивлюсь, если узнаю, что в мое отсутствие ты энергично управляла Ашерст-Холл, хотя Эммелине следовало бы написать мне об этом.

– И ты поскорее возвратился бы домой, горя желанием освободить меня от непосильной работы или в негодовании вышвырнуть вон?

– Одно из двух, разумеется. И о чем только думала Эммелина?

– Безусловно, я не могу отвечать за Эммелину. Но как девушка, помолвленная с твоим кузеном Гарольдом, надеюсь, некоторые сочтут естественным, что я...

– Прошу прощения, минутку, – обратился Раф к Джону Каммингсу, который уже спешил перед лесопилкой. Затем он схватил поводья лошади Шарлотты и повернул обеих лошадей назад, по той же дороге, которой они приехали. Натянув поводья, как только они оказались в добрых двух сотнях ярдов от лесопилки, он соскочил с лошади, приподнял Шарлотту и поставил ее на землю рядом с собой, прежде чем она успела запротестовать. – Повтори, – кратко приказал он.

– Честное слово, Раф, я не помню, чтобы ты был чем-то так потрясен. – Шарлотта наклонила голову, словно разглядывая букетик, который все еще сжимала в руке, одетой в перчатку. – Я сказала, что поскольку твой кузен Гарольд был помолвлен...

– Я слышал, что ты сказала, черт побери! – прервал ее Раф, еще более раздраженный. Его глаза застилала красная пелена, сквозь которую он с трудом различал девушку. Чарли, его Чарли была помолвлена с этим ублюдком, с этим садистом Гарольдом?! Ему хотелось крушить все вокруг, выкрикивать в небо проклятия! Но он лишь спросил: – А теперь объясни, почему ты не рассказала мне об этом вчера?

Словно защищаясь, она сжала свой стек.

– Я не думала, что это важно.

– Не думала? Ты собиралась выйти за моего кузена и считаешь, что это не важно?

– Это... это случилось совсем недавно, Раф. Мы обручились всего за две недели до того, как Гарольд погиб.

– Утонул в койке на яхте своего брата, кувыркаясь со шлюхой, празднуя таким образом помолвку с любимой женщиной. Тебя, должно быть, не обрадовало, когда мистер Хобарт поделился этими сведениями с тобой и Эммелиной.

Шарлотта, оторвав наконец взгляд от цветов, пожала плечами:

– Все было не так. Я не испытывала иллюзий по поводу этого брака.

Раф тряхнул головой, пытаясь понять.

– Так почему? Почему ты приняла его предложение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.